

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

18+

МНЕ НРАВИТСЯ,
КОГДА ТЫ
ПЛАЧЕШЬ

Марк Вельский

Мне нравится, когда ты плачешь

«Автор»

2026

Вельский М.

Мне нравится, когда ты плачешь / М. Вельский — «Автор», 2026

Он обожает, когда люди плачут. Она заставляет его терять контроль. Андрей умеет превращать чужое счастье в кошмар. Ева знает, как заставить человека довериться ей, а потом разрушить всё, что ему дорого. Они не ищут прощения. Не знают жалости. И получают удовольствие от того, в чём другие боятся признаться даже себе. Их встреча становится началом опасной любви, где чужие судьбы — развлечение, жестокость разжигает страсть, а каждый новый поступок стирает границу дозволенного. Они уверены, что нашли друг в друге идеальных сообщников. Что им можно всё. Что за свои игры никогда не придётся платить. Но однажды случится то, к чему не готов ни один из них. И тогда они узнают, что чужие слёзы — далеко не самое страшное, что может принести любовь. «Мне нравится, когда ты плачешь» — психологический триллер о жестокости, одержимости и любви, которой лучше было никогда не случаться.

© Вельский М., 2026

© Автор, 2026

Марк Вельский

Мне нравится, когда ты плачешь

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

МНЕ НРАВИТСЯ, КОГДА ТЫ ПЛАЧЕШЬ

Психологический триллер · 18+

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ

ГЛАВА 1. ФОТОГРАФИЯ

В день, когда Марина перестала разговаривать с сестрой, Андрей поправил ей фату.

— Не двигайся, — сказал он. — Вечно вы пытаетесь всё исправить в последнюю секунду.

— Это ты мне говоришь? — Марина рассмеялась. — Ты с самого утра спас наш праздник.

Она стояла у зеркала в маленькой комнате ресторана. За дверью кто-то искал вторую коробку с бокалами. Пахло лаком для волос, горячими лампами и розами, которые Андрей привёз раньше обещанного. Он никогда не опаздывал на чужое счастье.

— Я всего лишь поставил свет, — ответил он.

— И нашёл ведущего. И успокоил моего отца. И сделал так, что Даша всё-таки приедет.

На последнем слове она отвела глаза. Андрей заметил это, хотя в зеркале отражалась только половина её лица.

— Ты же хотела, чтобы сестра была рядом.

— Хотела. Просто... мы не разговаривали два года. Не знаю, как теперь.

— Начни с простого. Скажи, что скучала.

Марина кивнула. Он разгладил складку на плече её платья, отступил и посмотрел на сделанное. Всё было красиво. Особенно то, что пока ещё никто, кроме него, не представлял себе, как закончится этот вечер.

Андрею было сорок пять. Он занимался камерными праздниками: не массовыми банкетами, а небольшими торжествами, о которых потом вспоминают годами. Он умел угадывать, где поставить кресло для старой матери, какой тост доверить молчаливому брату, когда убрать музыку, чтобы жених смог произнести два нужных слова. Его приглашали после чужих рекомендаций. Люди называли его деликатным.

В деликатности его редко кто мог превзойти.

Год назад Марина попросила его помочь с юбилеем отца. Тогда он впервые увидел Дашу — младшую сестру, с которой Марина не общалась после какой-то старой ссоры. Даша жила в другом городе. Ничем не выделялась: резкий подбородок, манера жевать внутреннюю сторону щеки, привычка говорить правду, когда никто не просил. Андрей позвонил ей через неделю после юбилея под самым невинным предлогом — уточнить, какую песню отец хотел услышать и не услышал. Потом они ещё пару раз разговаривали. Он не задавал вопросов напрямую. Иногда человеку достаточно дать возможность исправить собственную фразу, и он сам рассказывает то, что скрывал годами.

Когда Даша упомянула Николая, будущего мужа Марины, Андрей не стал её перебивать.

Это случилось задолго до помолвки, сказала она. Один вечер. Они оба сожалели. Марина ничего не знала, и Даша ни за что не позволила бы ей узнать.

— Конечно, — ответил Андрей. — Иногда молчание действительно милосерднее.

Он не думал, что Даша плохой человек. По голосу было слышно: ей стыдно. Ему даже нравилась её способность стыдиться. Без неё всё оказалось бы значительно скучнее.

В банкетном зале гости рассаживались, кто-то возмущался слишком холодным вином. Марина вышла под руку с отцом. Николай смотрел на неё так, словно не видел никого вокруг.

Андрей в этот момент был возле пульта. Он чуть прибавил свет, и на белом платье появилась тёплая полоса, точно так, как Марина просила на первой встрече.

Свадьба получилась прекрасной.

Он не испортил ни одной минуты. Даша приехала, обняла сестру, обе плакали от счастья. Андрей стоял рядом и держал салфетки. Марина поцеловала его в щёку и сказала:

— Я этого никогда не забуду.

Ближе к полуночи, когда гости уже устали от собственной радости, Андрей попросил Николая отнести в маленькую комнату подарочные коробки. Даша сидела там одна. Она выбирала удобную обувь из пакета и не сразу заметила вошедшего.

— Привет, — сказал Николай.

Даша подняла голову, потом быстро опустила её.

Андрей видел начало разговора через полуприкрытую дверь. Он поставил у порога коробку со свечами, на минуту задержался и пошёл искать Марину.

— Твой муж зовёт тебя, — сказал он ей. — Кажется, хотел что-то сказать без всех. В комнате за кухней.

Марина улыбнулась ему благодарно.

Он мог бы уйти сразу. Вся работа была закончена. Вместо этого остался у пустеющего зала. Отсюда не было слышно слов, зато были видны двери.

Сначала вышла Даша. Она шла быстро и держала ладонь у рта. Потом появился Николай — растерянный, с опущенными руками. Марина вышла последней. На её лице не было ничего, что Андрей сумел бы определить одним словом.

Она остановилась возле арки, под которой несколько часов назад целовала мужа, посмотрела на украшенные столы и внезапно присела, будто у неё заболели ноги.

Андрей не приблизился.

Потом к Марине подбежал отец. Она оттолкнула его, хотя тот ничего ещё не сказал. Даша вернулась за сумкой. Николай взял жену за плечо, и она ударила его по руке — не сильно, но с такой точностью, словно давно тренировалась.

Андрей ощутил привычное тепло под рёбрами. Не торжество. Скорее облегчение: мир наконец стал соответствовать тому, каким он его видел.

— Что-то случилось? — спросила администратор ресторана.

— Семейное, — ответил он. — Лучше не вмешиваться.

На следующее утро Марина написала ему: «Спасибо за всё. Праздник был прекрасный».

Он перечитал сообщение трижды.

Слово «был» доставило ему особенное удовольствие.

* * *

В своей квартире Андрей жил один. На кухне было чисто, но не стерильно: на деревянном столе оставалась царапина от ножа, у окна стояли два разных стула, над раковиной висело маленькое круглое зеркало, в котором не отражалось лицо, если стоять прямо. Такие вещи не нуждались в исправлении.

Он сварил кофе и включил телефон. Марина больше не писала. Даша тоже. Николай не отвечал на его вчерашний вопрос, всё ли в порядке с реквизитом.

Это было нормально. После разрушения люди редко вспоминают того, кто помог им сделать красивую фотографию до катастрофы.

В одиннадцать ему позвонила Лида, хозяйка маленькой пекарни, где Андрей иногда заказывал десерты для праздников.

— Ты занят в следующую субботу? — спросила она. — Нужно устроить вечер человеку, который всех нас спас.

— От чего?

— От нас самих, — рассмеялась Лида. — Она любит это больше всего на свете.

— Кто она?

— Ева. Ей сорок один, но ведёт себя так, будто у неё в сутках сорок восемь часов. Мы хотим сделать сюрприз. Только ей нельзя говорить, она испортит сюрприз тем, что начнёт всем помогать.

Андрей улыбнулся.

— Расскажи про неё.

Лида начала рассказывать, и кофе успел остыть.

* * *

Ева не любила неожиданных праздников. Не потому, что не умела радоваться, а потому, что в такие вечера кто-нибудь непременно начинал делать за неё то, с чем она прекрасно справилась бы сама.

Лида, например, была уверена, что умеет печь меренгу.

Ева вошла в пекарню в половине седьмого, увидела двадцать человек, бумажные фонарики, крикующий торт и сразу поняла, что последние три дня все ей ввали.

— Нет, — сказала она.

— С днём рождения! — закричали гости.

— У меня день рождения был в марте.

— Мы знаем, — ответила Лида. — Сегодня год, как ты вытащила нас из банкротства.

— Я не вытаскивала. Я сказала тебе, что перестану работать бесплатно.

Все засмеялись. Это была их любимая история: как год назад Ева приходила после своей основной работы и помогала Лиде спасти пекарню, пока однажды не поставила условие — или Лида начнёт вести дело сама, или Ева уйдёт. Лида любила рассказывать именно последнюю часть, потому что в ней выглядела взрослой. Ева знала, что без первых одиннадцати месяцев её помощи никакого последнего разговора не случилось бы.

Она обняла подругу. Торт действительно был ужасен. От этого стало даже нежнее.

Еве было сорок один. Невысокая, с тёмными волосами, которые она по утрам собирала в небрежный узел, с узким шрамом у основания большого пальца левой руки. Она не старалась выглядеть моложе. Ей нравились её маленькие морщины возле глаз: они появлялись только там, где человек много смеётся или слишком часто щурится на чужие глупости.

Ева работала координатором в небольшой мастерской, где взрослые люди учились печь хлеб, готовить и заново жить после разных потерь. Мастерскую открыли без громких благотворительных лозунгов. Сначала просто пекли вместе по средам. Потом появились ученики, постоянные встречи, совместные ужины. Ева знала, кому нельзя говорить «держись», кого раздражает слово «ресурс», кто вечно забывает поесть. Она умела делать так, чтобы человек возвращался туда, где его ждут.

Муж Евы, Павел, пришёл позже всех. Он принёс букет астр в газетной бумаге и извинился перед женой одним взглядом.

— Ты участвовал? — спросила она.

— Я пытался запретить. Мне объяснили, что ты не должна всё контролировать.

— И как, понравилось не контролировать?

— Первые десять минут ужасно. Потом привыкаешь.

Павел поцеловал её в висок. Он был на два года старше, носил мягкие рубашки и говорил ровно, даже когда злился. Работал с деревом: делал лестницы, двери, длинные столы, за которыми должны были собираться большие семьи. Они прожили вместе четырнадцать лет. Детей у них не было. В начале брака они об этом спорили, потом перестали, и Ева не знала, означало ли это согласие или усталость.

В дальнем углу сидела Ника, молодая сотрудница мастерской. Ева заметила её сразу: девушка улыбалась без участия глаз. Последние месяцы она жила у Евы и Павла на диване —

после разрыва с человеком, которого Ева считала опасным для неё. Павел не любил, когда в доме появлялись посторонние, но ни разу не отказал Нике в ужине или свежем полотенце.

Ева подошла к ней.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ника.

— Просто устала.

Ева присела перед ней, взяла ладони в свои.

— Мы же договорились. Ты не обязана справляться одна.

Ника оглянулась на гостей.

— Можно потом?

— Конечно. Я рядом.

Ева поднялась, уверенная, что поступила правильно. Взгляд девушки, который на секунду задержался на её спине, она не увидела.

Андрей увидел.

Он стоял возле окна и поправлял провод гирлянды, хотя та уже светила. Его пригласили организовать маленький вечер, но на этот раз почти забыл о своей работе. Он смотрел, как Ева перемещается между гостями: кому-то подставляет стул, у кого-то забирает пустой бокал, кому-то незаметно кладёт на тарелку кусок пирога.

Она не была похожа на людей, которым хочется нравиться.

Скорее на человека, который боится оказаться ненужным.

Лида подвела её к нему, когда всё уже получилось.

— Это Андрей. Если вечер красивый, виноват он.

— А если торт отвратительный? — спросила Ева.

— Я не имею отношения к кондитерскому производству, — ответил он.

Ева рассмеялась. У неё был низкий, неожиданный смех, без желания понравиться. Андрей отметил его как полезную подробность и почему-то запомнил лучше, чем цвет её глаз.

— Спасибо, — сказала она. — Вы очень старались. Но фонарики над духовкой долго не проживут.

— Я перенесу.

— Я сама.

— Вы сегодня гостя.

— Это не профессия.

Он посмотрел на неё внимательно.

— Можно и научиться.

Ева уже хотела ответить, но заметила Нику возле двери. Та надевала пальто, не попрощавшись.

— Извините, — сказала Ева и направилась к ней.

Андрей наблюдал, как она догнала девушку у порога. Убедила остаться. Взяла за руку. Усадила обратно. Потом ещё долго разговаривала, чуть наклонив голову, пока Ника не начала кивать.

На лице Евы появилось выражение, которое Андрей знал с детства. Так человек выглядит в тот миг, когда чужое отчаяние наконец делает его необходимым.

Он вдруг ощутил не обычный интерес, а что-то похожее на узнавание.

Когда Ева снова подошла к столу, он спросил:

— Вам всегда так важно, чтобы люди оставались?

— А кому нравится, когда люди уходят?

— Некоторым нравится, чтобы их удерживали.

Она прищурилась.

— Это вы о ком?

— Пока ни о ком.

Ева взяла бокал воды.

— Вы странный организатор праздников.

— Мне часто это говорят после удачных вечеров.

Она улыбнулась, но взгляд не отвела.

И Андрей впервые за долгое время подумал, что торопиться не стоит.

* * *

Ника складывала вещи в серый чемодан, который Ева покупала ей сама. Она укладывала свитера очень аккуратно, словно собиралась уехать на неделю, а не навсегда.

— Я тебя чем-то обидела? — спросила Ева.

— Нет.

— Тогда почему ты не можешь просто объяснить?

Ника опустила руки.

— Мне предложили комнату. И работу. Я буду жить отдельно.

— Кто предложил?

— Знакомые.

— Какие знакомые?

— Ева, пожалуйста.

Ева стояла в дверях гостиной и испытывала знакомый холод. Ей казалось, что сейчас она совершит ошибку, если позволит девушке уйти. Они четыре месяца выстраивали жизнь Ники почти с нуля. Учили её говорить «нет», не бояться одиночества, не писать бывшему человеку по ночам. Ева слушала одни и те же истории, вытирала слёзы, терпела телефонные разговоры на кухне до двух утра. Всё это было трудно. Всё это имело смысл.

И теперь Ника собиралась уйти так, будто ничего не произошло.

— Ты уверена, что справишься?

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что хочу попробовать.

Ева взяла себя в руки. Улыбнулась. Помогла застегнуть чемодан и даже предложила подвезти.

Ника отказалась.

Через двадцать минут Павел вернулся из мастерской. Увидел пустой диван, сложенное покрывало, чистую чашку на столике.

— Уехала? — спросил он.

— Ты знал?

Павел снял куртку слишком медленно.

— Да.

— Давно?

— Неделю.

Ева молчала.

— Она попросила не говорить, пока сама не решится.

— И ты согласился.

— Да.

— После всего, что мы для неё сделали?

— Ева, она не от нас сбежала. Она переехала.

— Я понимаю разницу.

— Тогда почему ты говоришь так, будто тебя предали?

Она прошла мимо него на кухню, открыла кран и долго мыла совершенно чистую тарелку. Павел не пошёл следом. Это было худшее из возможных решений. Если бы он начал оправдываться, она нашла бы, что ему ответить. Если бы повысил голос, смогла бы обидеться. Но он оставил её одну с тарелкой и звуком воды.

— Она ещё вернётся, — сказала Ева в пустоту.

Павел услышал.

— Может быть. А может, ей наконец не понадобится возвращаться.

* * *

На следующий день Андрей зашёл в пекарню за пирогами. Лида попросила его передать Еве коробку — та утром забыла свою любимую кружку и какой-то список продуктов.

— Она расстроена, — сказала Лида. — Ника съехала. Наверное, ты не знаешь, кто это.

— Видел её на вечере.

— Ева переживает, если её кто-то покидает. Даже если всё хорошо.

Андрей кивнул и взял коробку.

На улице шёл мелкий дождь. Его нельзя было назвать ни осенним, ни летним. Андрей не стал раскрывать зонт. Он любил дождь, который не требовал решения.

В мастерской пахло дрожжами и мокрым деревом. За большим столом трое взрослых учеников лепили булочки с изюмом. Ева показывала мужчине лет шестидесяти, как не рвать тесто пальцами. У неё всё ещё были раздражённые глаза, но голос звучал мягко.

Она заметила Андрея только после урока.

— Опять спасаете чей-то праздник?

— Возвращаю кружку.

Он поставил коробку. Ева достала зелёную чашку с треснувшей ручкой.

— Лида могла оставить её у себя.

— Могла. Но сказала, что вы без неё плохо начинаете день.

— Я хуже начинаю день, когда люди решают за меня.

— Прекрасное совпадение. Я тоже.

Она чуть улыбнулась, и он увидел, что усталость делает её красивее. Не моложе и не нежнее — отчётливее. Как будто убирает с лица всё, что предназначалось для остальных.

— Можно спросить? — сказал Андрей. — Та девушка, которую вы утешали... Она теперь в порядке?

Ева перестала доставать чашку.

— Она съехала.

— Это ведь хорошая новость?

— Наверное.

— Тогда почему вы говорите так, словно она умерла?

Ева положила чашку на стол.

— Вы всех людей так расспрашиваете?

— Нет. Только тех, кому есть что сказать.

— Она жила у нас. Мы с мужем помогали ей. А теперь она решила, что совершенно самостоятельная.

— Возможно, вы хорошо её научили.

Ева посмотрела на него с раздражением, которое он и хотел увидеть.

— Вас это радует?

— Нет. Просто мне интересно, почему это не радует вас.

Она не нашла немедленного ответа. Андрей не стал пользоваться паузой. Сказал спасибо за урок, которого не посещал, и пошёл к выходу.

— Андрей.

Он обернулся.

— Вы не очень приятный человек, — сказала Ева.

— Это зависит от того, насколько давно мы знакомы.

— А потом вы становитесь приятнее?

— Потом становится поздно судить.

Он ушёл прежде, чем она решила, шутка это или предупреждение.

* * *

В тот вечер Ева спросила Павла, почему он перестал спрашивать её о работе.

— Потому что ты всегда рассказываешь только про тех, кому плохо, — ответил он. — А когда у кого-то налаживается жизнь, ты не можешь порадоваться.

— Это неправда.

— Очень хочу, чтобы это была неправда.

Она легла спать, отвернувшись к стене. Павел коснулся её плеча, но она сделала вид, что уже спит.

Перед тем как заснуть, Ева неожиданно вспомнила незнакомца с коробкой и его вопрос: «Почему это не радует вас?»

Её разозлило, что он сумел за несколько минут сказать то, о чём муж молчал годами.

И ещё сильнее разозлило, что она хотела услышать от него что-нибудь ещё.

ГЛАВА 2. ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА

Андрей никогда не любил прямых советов. Люди слушаются их либо из доверия, либо из страха, а оба чувства быстро истощаются. Гораздо надёжнее было произнести вслух то, о чём человек уже думал и стыдился думать.

Через две недели Ева сама предложила встретиться.

Повод выглядел безобидным: мастерская устраивала вечер для бывших учеников. Одни приходили похвастаться новым делом, другие — просто поблагодарить. Ева хотела, чтобы Андрей помог с освещением и музыкой.

— Это не свадьба, — предупредила она по телефону. — Здесь не надо никого заставлять плакать.

— Зачем заставлять? Люди прекрасно умеют сами.

Она помолчала.

— Вы всегда так отвечаете?

— Только когда меня пытаются обрадовать.

Они встретились после закрытия мастерской. Ева принесла хлеб, ещё тёплый, завернутый в полотенце. Андрей принёс две чашки кофе. За окном катились автобусы; электрические вывески отражались в мокром стекле и делали помещение похожим на аквариум.

Они говорили о празднике, но довольно скоро заговорили о людях.

Ева знала историю каждого ученика. Она рассказывала, как шестидесятилетняя Нина снова села за общий стол после смерти мужа, как молчаливый Борис научился печь пироги для дочери, с которой почти не общался, как Ника перестала бояться собственной квартиры.

На последнем имени она осеклась.

— Вы теперь с ней общаетесь? — спросил Андрей.

— Не так часто.

— Наверное, она занята.

— Вы опять это делаете.

— Что?

— Говорите так, будто всё уже знаете.

— Я знаю, что вам неприятно, когда у людей всё получается без вас.

— А вам приятно делать людям неприятно?

Он отпил кофе.

— Иногда.

Ева посмотрела на него, ожидая улыбки, которая отменит ответ. Андрей не улыбнулся.
— Вы хотя бы честный, — сказала она.

— Осторожнее. Это ещё не самое неприятное моё качество.

Она засмеялась, но ненадолго.

Вечер прошёл прекрасно. Пожилые люди танцевали между столами, кто-то читал стихи, Лида плакала над тарелкой с пирогом. Ева вела себя сдержанно, только постоянно оглядывалась на дверь. Она ждала Нику.

Ника пришла последней. С ней был молодой мужчина — невысокий, с немного неловкими движениями. Ева узнала его сразу. Это был человек, от которого четыре месяца назад Ника ушла к ним домой.

— Ты говорила, что не вернёшься к нему, — произнесла Ева, даже не поздоровавшись. Ника побледнела.

— Мы хотели поговорить.

— Здесь?

Мужчина сказал:

— Мы ничего плохого не делаем.

— Я и не говорила, что делаете. Ника, можно тебя на минуту?

Ника не двинулась.

Андрей стоял рядом с музыкальной колонкой и видел, как Ева впервые теряет привычный голос.

— Ты забываешь, что было, — сказала она.

— Нет, — ответила Ника. — Я помню. Просто это моя жизнь.

Разговор оборвался, потому что к ним подошла Лида с тарелками. Ева отошла к мойке. Ника и мужчина остались у стены, почти не разговаривая. Через десять минут они ушли.

Павел приехал за Евой в начале одиннадцатого. Он вошёл с улицы в мокрой куртке, поцеловал жену и спросил, не нужна ли помощь.

— Я хочу поговорить с Никой, — сказала Ева.

— Сегодня не надо.

— Она снова с ним.

— Я видел.

— И тебя это не волнует?

— Меня волнует, что ты устроила ей сцену при всех.

Ева резко поставила стакан.

— Ты даже не слышал, что она пережила.

— Слышал. Мы оба слышали. Но ты не можешь управлять её решениями.

— А ты, значит, всё прощаешь?

— Я сейчас не о нём. Я о тебе.

Андрей осторожно убрал с их стола пустую тарелку. Никто из супругов даже не посмотрел на него. Он был для них частью интерьера — что-то вроде вешалки или выключателя. Люди удивительно быстро перестают замечать того, кто принёс им удобство.

По дороге домой Павел и Ева молчали. Андрей узнал это не от них. Он просто видел, как они вышли из мастерской: Павел открыл перед ней дверь машины, она не поблагодарила; он ничего не сказал, и это молчание уже имело форму будущей ссоры.

На следующий день Ева позвонила Андрею.

— Мне стыдно за вчерашнее.

— Почему?

— Я повела себя некрасиво.

— Вы повели себя честно.

— Это не одно и то же.

— Конечно. Но вы впервые не сделали вид, что рады за человека, которого больше не можете спасти.

Она долго молчала.

— Мне нельзя с вами разговаривать, — сказала наконец Ева.

— Тогда почему вы звоните?

— Не знаю.

Андрей посмотрел на улицу. Внизу мужчина с зонтом ждал кого-то у пешеходного перехода и улыбался телефону.

— Мне кажется, знаете, — ответил он.

* * *

Павел сказал, что хочет пожить отдельно, в четверг утром, когда Ева резала яблоко.

Он не подготовил речь. Просто сел напротив, подвинул к себе холодный чай и сообщил, что несколько дней будет ночевать в мастерской. Там был маленький диван и душ, которым пользовались рабочие после покраски.

— Ты из-за Ники? — спросила Ева.

— Нет.

— Из-за того, что я сказала на вечере?

— Нет.

— Тогда из-за чего?

Павел провёл рукой по лицу.

— Потому что дома я всё время чувствую, будто кому-то должен. Тебе, людям, которых ты приводишь, людям, которых ты вспоминаешь. Я устал просыпаться и сначала выяснять, кому сегодня плохо.

Ева положила нож. Тонкая полоска яблочной кожуры свернулась на столе.

— Ты предлагаешь мне перестать помогать людям?

— Я прошу тебя иногда быть со мной. Без свидетелей. Без тех, кого надо спасать.

— Я с тобой четырнадцать лет.

— Вот именно.

Он встал. Не хлопнул дверью, не произнёс ничего обидного. Ева ненавидела его за это почти сильнее, чем если бы он ударил ладонью по столу.

Вечером она отправилась в пекарню, но Лида оказалась занята, а Ева не хотела ждать, пока подруга освободится. У входа, под навесом, стоял Андрей с пустым бумажным стаканчиком.

— Вы меня преследуете? — спросила она.

— Обычно люди говорят «здравствуйте».

— Здравствуйте. Вы меня преследуете?

— Здесь хороший кофе. Вы сами рекомендовали.

Она могла уйти. Вместо этого рассказала ему о Павле. Почти всё, кроме того, как утром, оставшись одна, переставила обратно на полку его любимую чашку. Её раздражало, что он успел забрать ботинки, зубную щётку и зарядку, но забыл чашку. Словно не собирался действительно исчезать.

Андрей слушал и ни разу не назвал Павла неправым.

— Может быть, он давно хочет уйти, — сказала Ева. — Только боится сказать.

— Может быть.

— Вы могли бы хотя бы один раз со мной поспорить.

— Зачем? Вы и без меня прекрасно справляетесь.

Они шли вдоль мокрых витрин. Ева остановилась.

— Я ведь правда много сделала для Ники.

— Правда.

— Для Павла тоже.

— Уверен.

— Почему тогда я чувствую себя виноватой?

Андрей посмотрел на неё без улыбки.

— Потому что вы считаете любовь счётом. Вкладываете столько, сколько другой никогда не сможет вернуть. А потом обижаетесь на долг.

Ева ударила его по щеке.

Звук получился сухим и неожиданно громким. За их спинами женщина с пакетом замедлила шаг, но не остановилась.

Андрей не поднял руки. Только повернул голову обратно.

— Теперь легче? — спросил он.

Ева смотрела на красный след у него на лице и чувствовала не раскаяние, а острое, постыдное облегчение. Впервые за день кто-то отреагировал на неё без сочувствия и не попытался исправить её поведение.

— Простите.

— Не нужно извиняться за то, что хотели сделать.

— Я не хотела.

— Тогда это ещё хуже.

Она рассмеялась нервно, почти болезненно. Андрей неожиданно улыбнулся ей в ответ.

В тот вечер они разошлись у её подъезда. Ева поднялась в пустую квартиру, нашла чашку Павла и убрала её в коробку под раковиной.

Это был маленький поступок, но ей показалось, что внутри наконец что-то сдвинулось.

* * *

Павел вернулся в воскресенье, чтобы поговорить.

Ева заранее приготовила ужин. Поставила два бокала. Купила те самые оливки, которые он любил, хотя сама не переносила их запаха. Она собиралась быть доброй. Это намерение не выдержало первых десяти минут.

— Я хочу, чтобы мы пошли к семейному психологу, — сказал Павел.

— Ты уже решил, что со мной что-то не так?

— Я предложил пойти вдвоём.

— Потому что тебя всё устраивает?

Он закрыл глаза.

— Мы опять начинаем.

Ева услышала в этой фразе такую усталость, что на секунду испугалась: он действительно может уйти. Не чтобы наказать её. Не чтобы заставить просить. Просто уйти и жить дальше.

Тогда она произнесла то, что долго держала при себе:

— Знаешь, Ника хотела вернуться к своему мужчине ещё месяц назад. Я убедила её, что это опасно. Хотя уже тогда понимала: ей не было страшно. Она просто перестала во мне нуждаться.

Павел медленно поставил бокал.

— Ты сейчас зачем это говоришь?

— Потому что ты хотел честности.

— Я хотел, чтобы мы перестали причинять друг другу боль.

— А это другое?

Он долго смотрел на неё. Потом достал из кармана ключи и положил на стол.

— Я вернусь за остальным, когда тебя не будет дома.

Ева знала, что могла бы остановить его одним словом. Не обязательно просить прощения — достаточно было назвать его по имени таким тоном, каким она звала, когда ночью мёрзли ноги. Но она промолчала.

После хлопка двери она осталась сидеть. Оливки пахли слишком сильно. Она перевернула блюдце, чтобы не видеть их.

Через час ей позвонил Андрей.

— Как вы? — спросил он.

— Прекрасно.

Он не стал переспрашивать.

— Хотите, приеду?

Ева посмотрела на пустое место напротив.

— Да.

* * *

Когда Андрей пришёл, Ева сидела на кухонном полу и перебирала оливки, упавшие из перевернутого блюдца. Они катились под шкаф, оставляя масляные точки на плитке.

— Красиво, — сказал он.

— Ужасно смешно.

Андрей снял пальто, закатал рукава и опустился рядом. Они молча собрали оливки в салфетку. Ева впервые заметила, что у него на запястье белый старый шрам, тонкий, как след от нитки.

— У вас есть кто-нибудь? — спросила она.

— Сейчас нет.

— А раньше?

— Были люди.

— Как вы умеете отвечать, ничего не сказав.

— Вы тоже.

Ева поднялась и поставила чайник. Андрей не утешал её. Не обнимал. Даже не спросил, почему Павел ушёл. Это сначала казалось невниманием, а потом — роскошью. Ей не нужно было рассказывать о себе привычную историю, в которой она хотела как лучше, но люди её не поняли.

— Я сделала больно мужу, — сказала она.

— Да.

— Вы даже не спросите, почему?

— Вы хотели, чтобы ему было больно?

Она подумала.

— В ту минуту — да.

— Тогда причина не так важна.

Они пили чай на кухне, за столом, который Павел сделал своими руками. Ева вдруг почувствовала, насколько хорошо Андрей вписался в пространство, которому не принадлежал. Он не занимал место Павла. Он выглядел так, будто места заранее были рассчитаны на другого человека.

— Я его люблю, — сказала она.

— Знаю.

— Не знаете.

— Тогда зачем вы меня убеждаете?

Ева посмотрела на него и впервые ощутила не желание оправдаться, а злость от того, что он видит её слишком отчётливо.

— Вы приехали посмотреть, как я плачу?

— Нет. — Он задумался. — Но если заплачете, я не уйду.

Она не заплакала.

Ночью Ева написала Павлу одно слово: «Прости». Он ответил на следующее утро: «Я не злюсь. Но домой не вернусь».

Она показала сообщение Андрею, когда они встретились через несколько дней.

— Вот и всё, — сказала Ева.

— Что именно?

— Четырнадцать лет. Больше пяти тысяч обычных утренних разговоров. Восемь или девять болезней. Два ремонта. Один человек уходит, а все эти вещи остаются.

Андрей не поправил её арифметику. Он и сам знал, что число утренних разговоров здесь не имеет значения. Важно было другое: Ева впервые перечисляла не собственные заслуги, а конкретные подробности совместной жизни.

— Вы скучаете по нему, — сказал Андрей.

— Конечно.

— И всё равно не хотите его возвращать.

Она не ответила.

* * *

Через месяц Ева познакомила Андрея с Лидой уже не как с организатором праздников, а как с человеком, который иногда заходит в мастерскую.

— Ты ему нравишься, — сказала Лида, когда Андрей ушёл.

— Ему все нравятся.

— Нет. Со всеми он вежлив. А с тобой у него лицо другое.

— Какое?

Лида попыталась подобрать слово и неожиданно смутилась.

— Голодное.

Ева засмеялась, но ночью долго не могла уснуть.

Они впервые поцеловались возле закрытой пекарни, под тем самым навесом, где Ева однажды ударила его. Поцелуй был коротким и слишком спокойным. Не таким, каким она представляла его в бессонные ночи. Андрей первым отступил.

— Это плохая идея, — сказал он.

— Я в последнее время только такие и принимаю.

— Вы ещё не знаете, насколько плохая.

Она посмотрела на него снизу вверх.

— Не надо меня спасать от вас, Андрей.

Он мог бы ответить шуткой, как обычно отвечал людям, которые подходили к нему слишком близко. Но Ева не отпустила его руку. Её пальцы были холодными после вечерней работы, на запястье остался слабый след от резинки для волос. Андрей вдруг заметил эти пустяки с неприятной ясностью: они не пригодятся ему ни для одной из привычных игр. Просто ему хотелось их помнить.

— А если вы всё-таки ошибаетесь во мне? — спросил он.

— Тогда ошибусь сама, — сказала Ева. — Только не делайте вид, что предупреждали меня из благородства.

Он почти рассмеялся. Она уже умела лишать его удобного объяснения. И всё же вместо привычного раздражения он ощутил облегчение: впервые за долгое время рядом стоял человек, перед которым ему не требовалось казаться безупречным.

Он неожиданно почувствовал, что ему хотелось бы не отпустить её руку. Желание было простым, почти глупым. Именно поэтому он испугался.

Когда Ева ушла, Андрей ещё некоторое время стоял под навесом. Потом достал телефон, нашёл сообщение от Марины, которое так и не удалил, и прочёл его снова: «Праздник был прекрасный».

Теперь ему не доставляло удовольствия вспоминать, что случилось после.

Это раздражало.

ГЛАВА 3. ТИХИЕ ЛЮДИ

Первые две недели они виделись почти ежедневно, но ни разу не называли происходящее отношениями.

Андрей приходил к Еве вечером. Они готовили. Он умел резать лук так, что плакала только она, и нарочно просил её рассказать о дне именно в эту минуту. Она ругалась, смеялась и приказывала ему перестать изображать повара. Однажды они заснули на диване под старый фильм и проснулись от того, что за окном кто-то громко спорил о парковке.

О детстве Ева рассказывала без особой охоты. Она знала, что в четыре года попала в семью Надежды и Георгия, которые никогда не скрывали, что взяли её на воспитание. Ей не нравилось, когда из этого делали особую историю: настоящая семья, говорила она, начинается с того дня, когда тебя перестают называть чужой.

Ева обнаружила у себя новое, почти постыдное чувство: ей нравилось, что Андрей ничего от неё не требовал. Не просил помощи. Не приносил жалоб на чужую несправедливость. Он просто приходил и оставался, пока она сама хотела, чтобы он остался.

Ева не знала, что Андрей с детства умел оставаться рядом, не занимая много места. Этому его научили не вежливые люди.

Один вопрос он почти всегда задавал первым: есть ли у человека братья или сёстры. После чужого ответа легко было перейти к другой теме. Когда спрашивали его самого, Андрей говорил, что вырос с матерью. Это было правдой о большей части его детства. Остальное он оставлял за пределами разговора.

В одну из суббот они поехали за город: Лида попросила забрать старый деревянный шкаф у своей тётки. Шкаф стоял в доме с открытыми окнами, среди запаха пыли и сухой травы. Тётя, Валентина Петровна, без конца жаловалась на сына, который обещал приехать и опять не приехал.

— У него своя семья, — отвечала Ева. — Он не может всё время быть рядом.

— А кто просил всё время? Один раз в месяц! Разве это много?

Ева замолчала. Андрей видел, как трудно ей не пообещать этой женщине что-нибудь от лица отсутствующего сына.

Пока они грузили шкаф, Валентина Петровна достала старую фотографию. На ней молодой мужчина держал на руках мальчика, а женщина рядом улыбалась в объектив.

— Вот тогда он ещё помнил, кто его растил, — сказала она.

Андрей взглянул на снимок.

— А сейчас не помнит?

— Приезжает на полчаса и всё смотрит на часы.

— Наверное, ждёт, когда вы спросите о его жизни, — сказал Андрей.

Старуха оскорбилась. Ева дёрнула его за рукав, но он продолжил:

— Вы уже двадцать минут рассказываете о том, чего сын не делает для вас. Ни разу не сказали, что любите в нём самом.

Когда они уехали, Ева молчала почти до шоссе.

— Зачем ты её обидел?

— Я сказал правду.

— Не всякую правду надо произносить.

— Ты так думаешь?

— Да.

— Тогда почему Павлу ты сказала именно то, что знала: после этого он уйдёт?

Ева отвернулась к окну.

— Не трогай Павла.

— Я его не трогаю. Это ты всё время берёшь его с собой.

Она попросила остановить машину, хотя до города оставалось двадцать километров. Андрей остановил. Не стал удерживать. Ева вышла, вдохнула сырой воздух и тут же поняла, насколько глупо выглядит посреди шоссе в тонком пальто.

Он открыл пассажирскую дверь.

— Замёрзнешь. Садись.

— Ты всегда считаешь, что прав?

— Нет. Иногда я вообще не думаю о правоте.

— А о чём думаешь?

Он посмотрел на неё.

— О том, как люди будут выглядеть, когда перестанут притворяться.

Ева села в машину. Через несколько минут она сама положила ладонь ему на колено.

Ни один из них не произнёс того, что думал.

* * *

В городе Павел уже увёз из квартиры большую часть своих вещей. Он оставил кухонный стол, хотя имел полное право забрать. Когда Ева увидела пустые полки, её охватила злость, но она не стала ему звонить.

Вместо этого набрала Андрею.

— Ты можешь приехать?

— Сейчас?

— Да.

— Приеду.

Она отключила телефон и зачем-то открыла все окна. В комнатах стало холодно, занавески надувались от ветра. Ева ходила из одной комнаты в другую и вдруг поняла, что её дом больше не похож на дом человека, от которого все чего-то ждут.

Ей показалось, что за потерей может скрываться свобода.

Когда Андрей вошёл, она уже не плакала. Она улыбалась.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Чтобы ты остался.

— До утра?

— Пока не захочешь уйти.

Наутро они проснулись вместе. Ева долго рассматривала свет на потолке, а Андрей лежал рядом и слушал её дыхание. Он привык думать о людях как о задачах, у которых есть скрытое решение. С Евой решение не находилось, и это странным образом не утомляло.

— Я хочу сказать тебе одну вещь, — произнесла она.

— Говори.

— Мне нравится, что тебе не нужна моя помощь.

Андрей улыбнулся в подушку.

— Не будь так уверена.

* * *

Всё началось с женщины по имени Инга, которая пришла в мастерскую Евы учиться печь пироги.

Инга была счастливым человеком в той особенной манере, которая раздражает несчастных: она не хвасталась, не поучала, не требовала внимания. Просто рассказывала о муже, о маленьком доме за городом, о том, как они по воскресеньям пьют чай на крыльце. Ей было сорок три. Она работала в книжном магазине, красила волосы сама и считала, что пережила всё страшное ещё в двадцать лет.

Ева сначала любила её. Такие люди делали мастерскую уютнее. Инга всегда приносила печенье и помогала убирать столы, не дожидаясь просьбы.

Однажды после занятия Инга сказала:

— Ты знаешь, Ева, я думаю, что все эти вечера мне больше не нужны. Дома и так хорошо. Прости, что бросаю группу.

Ева ответила правильно: пожелала счастья и обняла.

Вечером она рассказала Андрею, что Инга, похоже, больше не придёт.

— Тебе грустно? — спросил он.

— Немного.

— Потому что она уходит?

— Потому что думает, будто ей больше нечему учиться.

— Или потому, что она счастлива и без тебя.

Ева бросила в него кухонным полотенцем.

— Ты невозможный.

— Разве я не прав?

Она не ответила. Потом вдруг сказала:

— Интересно, что должно случиться, чтобы она снова пришла.

Андрей замер. В её голосе не было жалости и даже тревоги. Только любопытство.

— Ты хочешь, чтобы случилось что-то плохое?

Ева посмотрела на него и улыбнулась чуть медленнее, чем обычно.

— А ты?

В этой короткой паузе между ними возникло нечто новое. Андрей понял, что перед ним не женщина, которую надо постепенно обучать жестокости. В ней уже существовал собственный голод. Она лишь привыкла называть его заботой.

— Я знаю её мужа, — сказал он.

— Откуда?

— Оформлял ему день рождения прошлой зимой. Он неплохой человек. Любит, когда им восхищаются.

— Инга им восхищается.

— Не так, как раньше.

Ева медленно повернула чашку на блюде.

— Как это узнать?

Андрей покачал головой.

— Лучше тебе не знать.

Она впервые за весь вечер обиделась по-настоящему.

— Не обращай со мной как с ребёнком.

— А ты не задавай вопросов, на которые не готова услышать ответ.

Они поссорились и не разговаривали почти сутки.

Утром Андрей обнаружил в телефоне сообщение: «В пятницу Инга с мужем приходят к нам на ужин. Ничего не обещаю. Просто хочу познакомить».

Он посмотрел на экран и почувствовал, как сердце забилося чаще.

Не от предстоящей ссоры. Не от риска.

От того, что Ева сама сделала первый шаг.

* * *

За ужином муж Инги, Семён, говорил много и любил слушать собственный голос. Он рассказывал о знакомых, которые ничего не добились, об удачных покупках, о том, что двадцать лет брака — лучший ответ всем современным теориям отношений.

Инга улыбалась и подливала ему чай. Андрей видел, как она слегка сжимает губы, когда муж перебивает. Ева тоже видела.

После десерта Семён рассказал историю об их первой поездке за границу. В его версии Инга боялась всего на свете, а он заботливо спасал её от каждого встречного недоразумения.

— На самом деле я тогда одна всё организовала, — мягко сказала Инга. — Семён даже билеты перепутал.

— Не начинай, — рассмеялся он. — Мне можно хотя бы одну красивую историю оставить?

Все засмеялись, кроме Евы.

— А почему ты ему её оставляешь? — спросила она.

Инга растерялась.

— Какую?

— Историю. Он же делает тебя в ней беспомощной.

— Ну что ты, мы просто шутим.

— Конечно, — сказал Андрей и перевёл разговор на музыку.

Он не хотел, чтобы всё произошло сегодня. Ева, кажется, хотела.

Когда гости ушли, она сидела на краю стола с бокалом воды.

— Она даже не заметила, как он её унизил.

— Заметила.

— Почему тогда молчала?

— Потому что любит его. И знает, что он не всегда такой.

— Ты его защищаешь?

Андрей посмотрел на неё с неожиданной нежностью.

— Нет. Я защищаю хорошую историю от плохого финала.

— Ты думаешь, я не умею доводить истории до конца?

Он улыбнулся.

— Я думаю, ты ещё не решила, какую историю хочешь услышать.

Ева встала и выключила свет на кухне. В темноте она подошла к нему, взяла его за ворот рубашки и поцеловала.

Андрей на мгновение задержал её ладонь у своей груди. Так поступают, когда хотят отстранить другого человека или, напротив, убедиться, что он не исчезнет. Ева не могла понять, что из этого он делает. Она привыкла угадывать чужие потребности раньше, чем их успеют произнести, а теперь стояла перед ним без готового ответа.

— Ты всё время меня разглядываешь, — сказала она.

— Да.

— И что увидел?

— Пока не знаю.

Это было первое признание Андрея, которому она поверила сразу. Ева приблизилась снова, уже без вызова. Он коснулся её щеки, и она прикрыла глаза; ненадолго, почти сердито, словно не хотела выдавать, как много для неё значило это простое движение.

Они ушли из кухни, оставив на столе недопитую воду и грязные тарелки. Их первая ночь не была похожа на заранее придуманный праздник. Они то смеялись от неловкости, то замолкали, опасаясь сказать лишнее. И оба удивлялись не тому, как легко оказалось приблизиться друг к другу, а тому, как трудно было потом перестать говорить. За закрытой дверью не осталось ни победителя, ни побеждённого; на несколько часов им удалось забыть, что они вообще привыкли измерять человеческую близость подобными словами.

Той ночью они признались друг другу, что чужое спокойствие иногда кажется им невыносимым. Каждый говорил осторожно, проверяя, не отшатнётся ли другой. Никто не отшатнулся.

А утром они завтракали за столом Павла, смеялись над подгоревшим хлебом и выглядели как самая обычная пара.

* * *

Инга позвонила Еве через четыре дня после ужина.

— Я всё думаю о том, что ты сказала, — начала она. — Про мои истории. Знаешь, ведь Семён и правда постоянно делает вид, что я ничего не умею. Не со зла, наверное. Просто привык.

Ева слушала, сидя напротив Андрея. Он видел, как у неё расправились плечи.

— Ты пробовала говорить ему об этом?

— Пробовала. Он смеётся.

— Тогда скажи так, чтобы он не смог посмеяться.

— Как?

Ева посмотрела на Андрея. Тот медленно покачал головой: не торопись. Она ответила не сразу.

— Найди то, что действительно важно. Не поездку. Не билеты. То, о чём ты молчала, потому что боялась испортить вечер.

— И что потом?

— Потом перестань молчать.

Когда Инга отключилась, Андрей спросил:

— Ты уверена, что хочешь именно этого?

— Чего?

— Чтобы они научились разговаривать друг с другом.

Ева прижала телефон к груди, будто согревая ладони.

— А ты чего хочешь?

— Ничего. Это твои знакомые.

Она улыбнулась.

— Ты врёшь гораздо хуже, чем думаешь.

Инга пригласила их обоих на семейный обед в воскресенье. Двадцать лет брака они с Семёном отмечали через неделю, и готовились долго, как будто собирались доказывать остальным существование благополучных семей.

На столе стояло восемь разных салатов. Сёстры Инги спорили из-за посадочных мест. Семён показывал гостям беседку, которую построил сам. Андрей искренне похвалил работу: столбы стояли ровно, крыша не текла, а дерево было обработано со знанием дела.

Вечер мог пройти прекрасно.

Потом Семён поднялся произнести тост.

— Моей жене, — сказал он. — Самой терпеливой женщине на свете. Если бы не я, она бы даже в магазине дорогу к кассе потеряла.

Гости засмеялись. Семён тоже. Инга посмотрела сначала на него, потом на Еву.

Ева не произнесла ни слова. Лишь чуть приподняла бокал.

— Я хочу кое-что сказать, — неожиданно объявила Инга.

Семён улыбнулся, уверенный, что услышит ответную шутку.

— Я была терпеливой, потому что думала: любовь так и выглядит. Ты говоришь — я улыбаюсь. Ты решаешь — я благодарю. Когда мы познакомились, я хотела открыть своё дело. Потом ты объяснил, что мне не хватит характера. Я согласилась. Когда я захотела вернуться к учёбе, ты сказал, что будет некогда. Я снова согласилась. И вот мы двадцать лет отмечаем то, как хорошо я умею соглашаться.

За столом сделалось тихо.

— Инга, не при гостях, — сказал Семён.

Она вздрогнула от этих слов, и Андрей понял: ещё можно остановить разговор. Человеку достаточно подойти к ней и сказать, что она имеет право продолжить позже. Но Ева неподвижно сидела на своём месте.

— Именно при гостях, — произнесла Инга. — Потому что ты при гостях всегда и начинаешь.

Семён побледнел. Затем стал красным, поднял голос, сказал несколько слов, которых больше нельзя было забрать назад. В какой-то момент Инга бросила бокал в раковину. Стекло разлетелось, кто-то вскрикнул. Сёстры начали спорить, чей это вообще праздник. Один из гостей ушёл, не попрощавшись.

Андрей почти не смотрел на Семёна. Он смотрел на Еву.

Она сидела очень прямо. Уголки губ были неподвижны, но её глаза светились.

Он знал этот свет.

* * *

По дороге домой они молчали. Ева не снимала пальто, хотя в машине было тепло.

— Ты довольна? — спросил Андрей.

— Я рада, что она наконец высказалась.

— Хорошо.

— Не говори со мной таким тоном.

— Каким?

— Будто я одна виновата в том, что произошло.

Он остановился у красного сигнала светофора.

— Я разве сказал, что ты виновата?

— Ты думаешь.

— А ты?

Ева смотрела на огни впереди. Потом неожиданно тихо сказала:

— Я хотела, чтобы ей было плохо.

В машине было слышно только, как работает печка.

— И что ты чувствуешь теперь? — спросил Андрей.

— Что не хочу, чтобы ты меня за это осуждал.

Он взял её руку и поцеловал костяшки пальцев.

— Не буду.

Это было первое обещание, которое он дал ей совершенно искренне.

Дома они не включили свет. Долго стояли посреди кухни, прижавшись лбами. Их близость в ту ночь была отчаянной и почти пугающей — не потому, что они хотели причинить боль друг другу, а потому, что оба поняли: теперь им не нужно скрывать то, за что другие отвернулись бы.

Утром Ева проснулась раньше, положила ладонь Андрею на грудь и прошептала:

— Я никогда никому такого не говорила.

— Чего именно?

— Что иногда хочу сделать человека несчастным.

Андрей открыл глаза.

— Я знаю.

— Откуда?

— Потому что я тоже.

ГЛАВА 4. ПТИЦА

Инга перестала приходить в мастерскую. Сначала Ева объясняла это занятостью, потом болезнью, затем призналась себе, что Инга просто не хочет её видеть.

— Ты научила её говорить «нет», — сказал Андрей. — Не жалуйся, что она наконец научилась.

— Я не жалуюсь.

Но однажды они встретили Ингу в магазине. Она стояла у прилавка с хлебом и выглядела старше своих сорока трёх лет. Увидев Еву, попробовала улыбнуться и не сумела.

— Как ты? — спросила Ева.

— Живу отдельно. Семён остался в доме.

— Мне жаль.

— Не надо.

Инга попыталась пройти, но Ева придержала её за локоть.

— Если хочешь, приходи на занятия. Я всегда буду рада.

Инга посмотрела на её руку.

— Знаешь, я долго думала, что ты сделала для меня хорошее дело. Теперь не уверена.

Ева отступила.

— Я ничего за тебя не решала.

— Вот именно. Ты просто смотрела, как я рушу свою жизнь, и ни разу не сказала, что можно остановиться.

— Ты хотела правды.

— А ты хотела посмотреть, что я с ней сделаю.

Инга ушла, оставив корзину с хлебом возле кассы.

Андрей взял Еву под руку. Они вышли на улицу. Там моросило, и откуда-то из соседнего двора пахло жареной рыбой.

— Ты ведь могла её утешить, — сказал он.

— Она не хочет.

— Я не об этом. Ты умеешь заставить человека тебя простить. Стоит немного подождать, сказать правильные слова, дать ему снова ощутить твою незаменимость.

Ева повернулась.

— Ты говоришь так, будто занимался этим всю жизнь.

— Почти.

Она долго смотрела на него.

— Андрей, что ты делал с людьми до меня?

Он не стал рассказывать о Марине, Даше и Николае сразу. Вместо этого пригласил Еву на ужин, приготовил рыбу и в полночь, когда она уже перестала ждать ответа, начал говорить.

Он рассказывал не про все случаи. Только три. Про женщину, которой помог помириться с отцом, а потом устроил встречу, где тот обвинил её в старой семейной трагедии. Про друга, которого поддержал после увольнения и убедил, что жена давно его презирает. Про свадьбу Марины.

Ева слушала, не перебивая. На истории с Мариной она поднялась и подошла к окну.

— Ты знал заранее? — спросила она.

— Да.

— И специально привёл туда сестру?

— Я помог двум людям сказать правду.

— Не ври мне.

Он опустил глаза. Потом снова посмотрел на неё.

— Да. Специально.

Ева долго молчала. Андрей не решался приблизиться. Он ожидал отвращения. Упрёка. Страха. Он знал все эти реакции, умел заранее составить им цену.

Она обернулась.

— И ты потом их утешал?

Андрей почувствовал, как в комнате стало меньше воздуха.

— Иногда.

— Вот что тебе больше всего нравится.

— Мне нравится видеть, что люди наконец чувствуют по-настоящему.

— Нет. Тебе нравится, что они чувствуют это из-за тебя.

Он ничего не ответил.

Ева подошла ближе. На секунду её лицо стало очень строгим.

— Ты чудовище, Андрей.

— Знаю.

— Нет. Ты гордишься этим.

Она ушла в спальню. Андрей остался на кухне, глядя на два бокала, в одном из которых плавала маленькая косточка лимона. Он впервые за много лет испугался, что человек уйдёт, увидев его без маски.

Но Ева вернулась через пять минут.

— Я хочу кое-что попробовать, — сказала она.

— Что?

— Один раз. Вместе. И чтобы ты больше никогда не говорил, будто всё это происходит случайно.

Андрей понял, что сейчас у него есть возможность отказать. Не из благородства и не из заботы о будущих жертвах. Ему достаточно было сказать, что эти игры опасны, что отношения не должны начинаться с такого признания.

Он не отказал.

* * *

Для первой общей истории они выбрали человека, который, по мнению Евы, заслуживал унижения. Андрей сразу заметил это оправдание и не стал его оспаривать.

Мужчину звали Аркадий. Он управлял небольшим частным клубом, где проводили выставки, лекции и семейные вечера. Несколько лет назад он отказал Лиде в аренде зала, потому что счёл её пекарню недостаточно солидной. Ева вспоминала эту историю часто, хотя Лида давно о ней забыла.

— Он всегда улыбается так, будто делает всем одолжение, — говорила Ева.

— Возможно, он просто не любит людей.

— А мы любим?

Андрей удивился тому, с какой лёгкостью она сказала «мы».

Аркадий мечтал устроить вечер в свою честь. В этом состояла его слабость: он считал себя незаметным благодетелем города и никак не мог добиться, чтобы другие благодарили его столь же торжественно, как он благодарил самого себя.

Андрей предложил помощь. Ева уговорила нескольких знакомых прийти. Лида сделала десерт, не зная, что участвует в чужом замысле. Всё выглядело как обычное празднование круглой даты клуба.

В начале вечера Аркадий был счастлив. Его благодарили артисты, преподаватели, женщины в дорогих пальто. На большом экране шли фотографии прошлых выставок. Андрей сам готовил свет и музыку, как делал это сотни раз.

А потом слово взяла Ева.

Она говорила тихо, без обвинений. Вспомнила, как много людей получили в этих стенах поддержку. Как хорошо, когда у человека есть возможность сказать «нет» и услышать ответное «нет» без унижения. Как важно помнить не только тех, кто добился успеха, но и тех, кому однажды здесь не нашлось места.

Аркадий сидел с неподвижной улыбкой.

— И я хочу поблагодарить вас, — сказала Ева. — Вы научили меня, что иногда отказ говорит о человеке больше, чем щедрость.

Сначала гости не поняли. Затем кто-то вспомнил давнюю историю с Лидой. Кто-то рассказал похожий случай. Разговор сдвинулся, как кресло на неровном полу. Аркадий попытался пошутить, но шутка не прозвучала.

Затем Андрей совершил то, о чём с Евой они не договаривались. Он подошёл к Аркадию, положил руку ему на плечо и сказал достаточно громко, чтобы слышали ближайшие гости:

— Не переживайте. Иногда хороший вечер заканчивается разговором, который давно назрел.

Фраза была доброй. Именно поэтому она оказалась невыносимой.

Аркадий резко встал и попросил всех выйти. Он говорил всё громче, пока не выкрикнул, что никого из присутствующих больше не хочет видеть. Теперь это слышали даже те, кто пропустил речь Евы. Кто-то принялся снимать происходящее на телефон; Ева попросила не снимать, но человек уже убрал его сам.

Праздник закончился раньше времени.

Андрей и Ева вышли на улицу, где пахло листьями и горячим асфальтом после дождя.

— Ты испортил мой план, — сказала она.

— Какой?

— Он должен был сидеть и слушать. А ты заставил его кричать.

— Ты хотела, чтобы ему было стыдно. Теперь ему стыдно.

— Нет. Теперь он уверен, что все вокруг подлецы.

— А тебя это огорчает?

Ева остановилась и вдруг рассмеялась. Он никогда не слышал от неё такого смеха — короткого, удивлённого, совершенно счастливого.

— Оказывается, мне нравится, когда они начинают кричать, — сказала она.

Андрей посмотрел на её лицо и испытал восторг, от которого стало не по себе. Разрушенный праздник был лишь фоном. Главное — рядом находился человек, которому не нужно было объяснять, зачем они это сделали.

Они вернулись домой под утро. Ева прижалась к нему в тёмном коридоре, и он понял, что вечер ещё долго будет жить в их телах, в дыхании, в невозможности немедленно уснуть.

Они не произносили слово «любовь».

Но уже начали говорить «мы» так, словно это одно слово оправдывало всё остальное.

* * *

Павел встретил Еву у подъезда в воскресенье. Она несла бумажный пакет с хлебом и бутылку минеральной воды, Андрей шёл рядом с ней. Павел посмотрел на их сцепленные руки, и Еве вдруг стало стыдно — коротко и остро, как будто кто-то открыл дверь в комнату, которую она давно заперла.

— Я хотел отдать тебе ключ от кладовки, — сказал Павел.

Он протянул маленькую связку. Ева взяла её и заметила, что у бывшего мужа дрожат пальцы.

— Как ты? — спросила она.

— Нормально. Работы много.

Андрей отступил к машине, оставив их вдвоём. Павел посмотрел ему вслед.

— Он знает про нас?

— Про что?

— Про то, как ты умеешь любить людей, пока они не пытаются уйти.

Ева почувствовала, как кровь ударила в лицо.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Мне, кажется, уже нечего начинать.

Он хотел уйти, но остановился.

— Я не думаю, что ты плохой человек. Но рядом с тобой очень легко перестать слышать себя. Береги хотя бы тех, кто тебе ещё верит.

Ева смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол. Андрей подошёл, когда она уже перестала видеть Павла.

— Всё в порядке?

— Конечно.

— Он хороший человек, — сказал Андрей.

Ева обернулась к нему.

— Это тебя раздражает?

— Иногда.

— А меня нет. Он хороший. Просто я больше не могу с ним жить.

Она положила ключи в сумку. Андрей заметил, что она не плачет. От этого ему стало неуютно. В начале их знакомства он рассчитывал увидеть её несчастной. Теперь обнаружил, что не хочет этой сцены, если причиной станет он.

* * *

Осенью они стали жить вместе. Не переезжали торжественно, не обсуждали общего будущего. Сначала Андрей оставил у Евы зубную щётку. Потом две рубашки. Затем привёз старое кресло из своей квартиры — низкое, с потёртыми подлокотниками. Ева сначала заявила, что оно ужасно, а через неделю стала читать в нём по вечерам.

Он обнаружил, что она не любит спать с закрытой дверью. Она обнаружила, что он всегда оставляет один огонёк над плитой, даже если больше никого нет дома. Они приспособились друг к другу без договорённостей. Из всех вещей, которые Андрей когда-либо создавал, эта совместная повседневность удивляла его больше всего.

Однажды Ева заболела. Простая простуда свалила её с ног на три дня. Андрей отменил два мероприятия, купил лекарства и принёс ей на подносе суп, который готовить толком не умел.

— Не надо, — сказала Ева. — Я сама.

— Смешно. Ты похожа на человека, который сейчас упадёт, если встанет.

— Тебе нравится, что я беспомощная?

Он поставил поднос и задумался.

— Нет.

— Совсем?

— Мне не нравится, что тебе плохо.

Ева приподнялась на локте и посмотрела на него странно внимательно.

— Неужели?

— Не начинай.

Она улыбнулась и легла обратно.

Андрей сидел рядом, пока она спала. Смотрел на её руку поверх одеяла, на маленький шрам, который уже не раз замечал за ужином. В какой-то момент ему захотелось позвонить матери и спросить, почему ему никогда не давали такой простой возможности — сидеть рядом с тем, кого любишь, и не ждать, когда всё закончится.

Но он никому не позвонил.

* * *

Через неделю Инга пришла в мастерскую.

Не за помощью. За своими вещами, оставленными в шкафчике.

Она была спокойна, даже приветлива. Рассказала, что нашла работу в другом магазине и собирается впервые поехать в отпуск одна. Ева слушала, и каждое слово Инги казалось ей маленьким ударом.

— Я рада за тебя, — сказала она.

Инга кивнула.

— Надеюсь, это правда.

Когда дверь закрылась, Ева какое-то время стояла неподвижно. Потом позвонила Андрею.

— У меня ужасное настроение.

— Что произошло?

— Ничего. Именно это и бесит.

Он услышал в её голосе старый голод и впервые не обрадовался.

* * *

Однажды, разворачивая принесённый ею хлеб, Ева задела бумажным краем старый белёсый шрам у основания большого пальца. Андрей спросил, больно ли, и она рассмеялась: шрам был с детства, а кожа давно ничего не чувствовала. Они сразу заговорили о другом. Маленькая полоска на руке ничего ему не напомнила.

О матери Андрей заговорил в ноябре, после чужого семейного праздника.

Он вернулся поздно. Ева сидела в его старом кресле и читала. На столе остывал чай, у окна стоял горшок с базиликом, который никак не соглашался расти. Всё было спокойно. Именно это спокойствие внезапно оказалось невыносимым.

— В детстве у меня была канарейка, — сказал Андрей с порога.

Ева закрыла книгу.

— Как её звали?

— Петька. Я потом придумал. До этого просто жёлтой звал.

— А ты умел?

— Нет.

Он сел на край дивана. Оказалось, что рассказывать эту историю гораздо труднее, чем он ожидал. Не потому, что она была особенно страшной. Потому что слишком многое в ней оставалось обычным.

Мать купила птицу в воскресенье, когда они ходили за тёплыми ботинками. Сначала сказала, что никаких животных в квартире не будет. Потом вдруг передумала, заплатила за клетку и по дороге домой объясняла, какой он счастливчик. Андрей был маленьким и не заметил, что счастье ему выдали так же легко, как могли отобрать.

Он кормил канарейку, менял воду, сидел возле клетки, когда делал уроки. По утрам она пела так громко, что мать закрывала кухонную дверь.

— А потом? — спросила Ева.

— Потом однажды я пришёл из школы. Клетка была пустая.

— Она улетела?

— Мать сказала, что умерла.

Он помнил клетку: круглую, зелёную, с облезшей краской возле дверцы. Помнил, как долго трогал пустую жердочку. Помнил запах супа и солнечный квадрат на полу. Не помнил, каким было лицо матери в эту минуту.

— Откуда ты знаешь, что она её убила? — спросила Ева.

— Я не видел. Но вечером она сказала: «Теперь хоть дома будет тихо». А когда я заплакал, в ту ночь взяла меня к себе в постель и гладила по голове, пока я не уснул.

Ева молчала.

— Может, птица действительно умерла, — сказал он. — Восемь лет — такой возраст, когда очень хочется найти виноватого.

— Ты говоришь так, будто пытаешься её защитить.

— Нет. Я пытаюсь помнить только то, что знаю наверняка.

Это было неожиданное признание для Андрея. Он обычно не позволял другим усомниться в своих выводах. Сейчас же будто боялся превратить старый страх в удобное объяснение всей жизни.

— Она могла быть нежной? — спросила Ева.

— Очень. Особенно после того, как что-нибудь случалось.

Ева пересела к нему. Несколько минут они сидели молча. Потом она произнесла:

— Ты ведь тоже так делаешь.

Андрей кивнул.

— Знаю.

— Сначала делаешь больно, потом остаёшься рядом.

— Да.

Ева взяла его ладонь.

— А со мной?

Он посмотрел на неё, но привычный ответ не нашёлся.

— С тобой я хочу остаться до того, как что-нибудь случится.

Ева прижалась к нему. Ей показалось, что услышала признание в любви. Возможно, так и было.

Ночью Андрей долго не мог уснуть. Он помнил, что возле клетки ставили вторую маленькую табуретку. Дальше в воспоминании была часть, которую он никогда не рассказывал. За много лет он научился останавливаться перед ней: вставал, наливал воды, включал свет в коридоре. В этот раз тоже встал.

Ему не хотелось возвращаться в тот дом даже мысленно.

ГЛАВА 5. ПОСЛЕДНЯЯ СРЕДА

Павел пришёл в мастерскую за Евой не потому, что хотел её вернуть. Он принёс деньги, которые ей задолжали за деревянные столы. Раньше они никогда не считали, кто сколько зарабатывал на совместных заказах; теперь Павел настаивал на честности даже в мелочах.

Ева вынесла ему кофе и попыталась поговорить о погоде. Он смотрел поверх её плеча на детей одной из учениц, которые рисовали пальцами на запотевшем стекле.

— Ты счастлива? — спросил он.

— Да.

Павел кивнул, но не улыбнулся.

— Тогда зачем ты всё время проверяешь, знают ли об этом другие?

Она отставила кофе.

— Ты пришёл меня унижить?

— Нет. Я пришёл сказать, что не хочу встречаться с тобой больше, чем необходимо. Лида попросила меня сделать ещё два стола, но я откажусь. Не потому, что злюсь. Просто мне тяжело здесь находиться.

Ева почувствовала старый позыв: немедленно объяснить, что он преувеличивает, что никто не держал его насильно, что у обоих есть право на новую жизнь. Но Павел смотрел на неё не с обидой. Он просто прощался.

— Паша, — сказала она.

Он поднял голову. В этом коротком движении осталось всё, что связывало их четырнадцать лет. Он всё ещё отзывался на её голос так, как отзываются дома.

— Я ничего тебе не желаю плохого, — произнесла Ева.

— Верю. Только ты не всегда понимаешь, когда уже делаешь.

Он ушёл. На этот раз она не позвонила Андрею сразу. Ей не хотелось рассказывать, что бывший муж оказался способен уйти достойно. В их общих историях такая подробность казалась лишней.

Вечером Андрей сам спросил:

— Что у тебя с Павлом?

Ева подняла глаза.

— Почему ты спрашиваешь?

— Лида сказала, он больше не будет работать с мастерской.

— Не хочет меня видеть.

— Понимаю.

— Правда?

— Да. Я бы на его месте тоже ушёл.

Ева резко встала.

— Неужели ты всегда должен ставить себя выше меня?

Андрей посмотрел на неё удивлённо.

— Я не выше. Я рядом.

— Тогда будь на моей стороне.

— Я на твоей стороне. Но Павел не обязан быть плохим человеком, чтобы ты могла любить меня.

Эти слова задели Еву сильнее любого обвинения. Она ушла в спальню и захлопнула дверь. Через полчаса Андрей услышал, как она плачет. Он стоял в прихожей и почти физически ощущал знакомый соблазн: войти, сделать себя необходимым, услышать благодарность.

Но впервые за много лет не захотел пользоваться чужими слезами.

Он постучал.

— Ева. Я здесь, если ты хочешь.

— Уходи.

Он остался в гостиной.

Утром она сама вышла, села к нему на колени, положила голову на плечо.

— Я ненавижу, когда ты прав.

— Я не всегда прав.

— Вот и не начинай снова.

Они засмеялись. Казалось, ссора закончилась.

Но через два дня Ева сама предложила Андрею разрушить жизнь Павла.

— Он заслужил? — спросил Андрей.

— При чём здесь это?

Андрей долго смотрел на неё. Ева первой отвела глаза.

— Не хочу, — сказал он.

— Почему?

— Потому что ты будешь жалеть.

— Ты не знаешь.

— Знаю. И этого достаточно.

Впервые за всё время их отношений они обнаружили границу, которую видел один и совершенно не признавал другой.

* * *

Лида принесла в мастерскую новость, которая могла бы порадовать Еву: Ника устроилась на работу в соседнем городе и собиралась выходить замуж. Не за того человека, от которого уходила раньше. За нового, которого встретила уже после переезда.

— Представляешь, — сказала Лида, — девочка наконец встала на ноги. Прямо другая стала.

Ева кивнула. Потом спросила:

— А почему она мне не позвонила?

Лида развела руками.

— Может, не знала, как.

Вечером Ева листала старые фотографии вечеров мастерской. На каждой второй Ника сидела возле неё или смотрела в её сторону. Ева вспомнила бесконечные разговоры на кухне, недосып, растерянные вопросы, маленькую радость от того, что очередной совет сработал. Из всего этого Ника унесла в новую жизнь только себя.

— Я хочу, чтобы она приехала, — сказала Ева Андрею.

— Зачем?

— Поздравить. По-человечески.

— Тогда позвони и поздравь.

— Ты сегодня опять добрый?

Он положил вилку.

— Не хочу участвовать в истории, которая закончится тем, что тебе станет противно от самой себя.

— Раньше тебе нравилось другое.

— Раньше я не жил с тобой.

Ева засмеялась недоверчиво.

— Какая трогательная перемена.

— Она тебе мешает?

— Я не знаю.

Она действительно не знала. Несколько месяцев назад мысль о том, что Андрей может перестать причинять людям боль, казалась ей облегчением. Теперь такое будущее выглядело как дом, где ежедневно вытирают стол, стирают полотенца, а в воскресенье едут за продуктами. Ровное, спокойное, совершенно безопасное счастье. Ева не была уверена, что сумеет его вынести.

Ника приехала на следующей неделе одна. В мастерской пахло хлебом и зелёным луком. Она положила на стол коробку конфет и произнесла:

— Я хотела сказать спасибо. Не только за всё хорошее. За то, что ты когда-то меня отпустила.

Ева почувствовала, как будто ей предлагают роль в пьесе, которую она не репетировала.

— Конечно, — ответила она. — Я всегда хотела, чтобы ты была счастлива.

Ника посмотрела на неё внимательно.

— Я знаю, тебе трудно верить в это, но я справлюсь сама.

Ева улыбнулась. Они выпили чай, поговорили о свадьбе, об обычных делах. Ника уехала через час.

Когда дверь закрылась, Ева взяла коробку конфет и выбросила в мусорное ведро.

Андрей увидел это, но ничего не сказал.

* * *

На следующий вечер он пригласил Еву в маленький ресторан, где никто их не знал. Там были плохие скатерти, прекрасная рыба и официант, который никогда не запоминал заказ с первого раза.

— Я хочу уехать с тобой на несколько дней, — сказал Андрей.

— Зачем?

— Просто уехать.

— Никого не обидеть? Ничего не разрушить?

— Представь себе.

Она посмотрела на него со смесью нежности и тревоги.

— А что мы там будем делать?

Он пожал плечами.

— Смотреть на воду. Спать. Есть. Надо же выяснить, умеем ли мы существовать вдвоём без чужих людей.

Ева медленно улыбнулась.

— Боишься, что не умеем?

— Да.

Он признался так спокойно, что она не нашла ответа.

* * *

Они сняли дом у большой реки, за два часа езды от города. Дом был старый, с деревянным крыльцом, неработающим камином и слишком громким холодильником. За окнами стояли

голые деревья. Ноябрь делал всё вокруг честнее: не было ни пышной зелени, ни мягкого света, ни иллюзии, что что-нибудь продлится вечно.

В первый день они почти не разговаривали. Ева спала до полудня. Андрей чинил дверцу кухонного шкафчика, хотя его никто не просил. Потом они гуляли вдоль реки, выбирали гладкие камни и спорили, какой из них самый бессмысленно красивый.

Во второй день пошёл снег. Ева приготовила суп, слишком солёный, но Андрей съел две тарелки. Он рассказывал о том, как однажды перепутал заказы и привёз на юбилей семидесятилетнего учителя огромную фигуру фламинго вместо цветов. Ева смеялась до слёз. Он смотрел на неё и не чувствовал желания превратить эти слёзы в настоящие.

Поздно вечером они сидели на полу возле батареи.

— А если мы всё прекратим? — спросил Андрей.

Ева медленно повернула к нему голову.

— Что?

— Наши игры. С чужими людьми.

— Ты говоришь так, будто мы каждую неделю кого-то убиваем.

— Мы делаем им плохо.

— Ты сам меня этому научил.

— Я знаю.

Она поднялась и подошла к окну. Снег шёл наискось, и вода за деревьями казалась чёрной.

— Я думала, ты меня полюбил такой, какая я есть, — сказала Ева.

— Я тебя и люблю.

— Тогда почему хочешь изменить?

Андрей посмотрел на её отражение в стекле.

— Потому что мне впервые есть что потерять.

Она закрыла глаза. В тот вечер они легли рядом и не прикоснулись друг к другу. Никакой ссоры не было. Просто впервые страх одного оказался сильнее желания другого.

Утром Ева проснулась от крика птицы за окном. Не канарейки — обычной серой птицы, которой что-то не нравилось в морозном дворе. Андрей стоял на кухне и пытался открыть банку с вареньем.

— Дай, — сказала она.

— Сам справлюсь.

— Ты её только разобьёшь.

Он передал банку. Ева открыла её с первого раза.

— Видишь, — сказала она. — Иногда тебе всё-таки нужна моя помощь.

Андрей обнял её со спины. Движение было привычным, домашним, почти безопасным.

— Нужна, — согласился он.

Еве стало так хорошо, что она едва не заплакала.

И одновременно настолько страшно, что захотелось немедленно испортить этот момент.

* * *

Они вернулись в город к сообщению от Лиды: у мастерской появился новый ученик, бывший владелец небольшой типографии. Его звали Виктор, ему было пятьдесят восемь, и после смерти жены он только недавно стал выходить из дома. Лида написала, что мужчина тихий, очень вежливый и почти ничего не ест.

— Не приглашай его к нам, — сказал Андрей, когда Ева пересказала новость.

— Почему?

— Потому что ты слишком хорошо понимаешь, что делать с такими людьми.

— А ты, значит, нет?

— Я сейчас не о себе.

Виктор оказался высоким, немного сутулым мужчиной с мягкими руками. Он старательно записывал рецепты в маленькую записную книжку, но почти никогда не выпекал по ним дома. Просто хотел, чтобы в среду его кто-нибудь ждал.

Ева помогала ему особенно внимательно. Однажды он сказал, что жена всегда любила пирог с кислыми яблоками. Ева приготовила такой пирог специально к следующему занятию. Виктор заплакал, попробовав первый кусок.

Она обняла его. Андрей видел это из коридора.

Вечером Ева была необыкновенно ласковой. Приготовила ужин, включила музыку, достала красивую скатерть, которую берегла для гостей.

— Хороший день? — спросил Андрей.

— Очень.

— Потому что Виктор плакал?

Она медленно опустила нож.

— Ты опять начинаешь?

— Я спрашиваю.

— Да, Андрей. Потому что Виктор плакал. Потому что я смогла сделать для него то, чего никто давно не делал. Это плохо?

— Нет. Плохо будет, если ты решишь, что он должен плакать каждый раз, когда приходит.

Ева посмотрела на него долгим, почти неприязненным взглядом.

— Не надо разговаривать со мной голосом моей совести. Она у меня не такая занудная. Андрей не улыбнулся.

* * *

Через несколько недель Виктор рассказал Еве, что наконец согласился на поездку с дочерью. Они собирались провести Новый год вместе. Раньше он отказывался: боялся, что там, в доме дочери, его ждёт только роль жалкого вдовца.

— Мне кажется, я справлюсь, — сказал он. — Ты ведь сама всегда говоришь, что нужно пробовать.

Ева обняла его и пожелала счастливой дороги.

На следующий день она позвонила дочери Виктора — та однажды оставляла свой номер на случай, если отец почувствует себя плохо. Ева сказала, что Виктор выглядит хрупким, что перемена места может оказаться слишком тяжёлой, что лучше не давить на него с поездкой. Она говорила заботливо и искренне. По крайней мере, так звучал её голос.

Дочь испугалась. Позвонила отцу. Сказала, что, наверное, лучше перенести встречу.

Виктор пришёл на занятие растерянный и впервые за долгое время раздражённый.

— Я ничего не понимаю, — говорил он. — То меня зовут, то вдруг передумывают. Может, я ей действительно только в тягость.

Ева налила ему чай и села рядом.

— Не торопись делать выводы, — сказала она. — Мы здесь. Тебе не обязательно оставаться одному.

Когда он ушёл, Андрей спросил:

— Ты говорила с его дочерью?

Ева не ответила.

— Ева.

— Я просто хотела помочь.

— Нет.

Она резко повернулась.

— Не смей мне говорить, чего я хотела.

— Ты захотела, чтобы он остался.

Ева молчала. Затем произнесла:

— А ты разве не учил меня, что иногда достаточно одного разговора?

Андрей почувствовал холод. Он вспомнил Марину, Дашу и Николая, и вдруг понял, что стоит перед собственным отражением, которое научилось двигаться без него.

— Мы договорились прекратить, — сказал он.

— Ты предложил. Я не обещала.

* * *

Виктор снова поссорился с дочерью по телефону. На этот раз при Еве. Она сидела рядом и слышала только его половину разговора.

— Я не больной, — говорил он. — Почему вы всё решаете за меня? Я сам хотел приехать. Не надо со мной так.

Он отключил телефон и долго смотрел на экран.

— Наверное, я всем мешаю, — сказал он.

Ева почувствовала привычное движение внутри: шагнуть ближе, обнять, сказать, что он никому не мешает, что здесь его всегда ждут. Она уже открыла рот, когда Виктор добавил:

— А ведь я мог бы сейчас быть с ними.

В этих словах не было обвинения. Именно поэтому Ева вдруг не сумела ответить.

После занятия Виктор ушёл один. На улице стоял ветер. Ева смотрела, как он осторожно поднимает воротник пальто, будто от холода можно закрыться так же просто, как от людей.

Вечером Виктор не ответил дочери на звонок. На следующий день она связалась с мастерской, и Лида поехала к нему вместе с соседом. Там выяснилось, что ночью ему стало плохо. Его увезли в больницу; спасти не удалось.

Ева узнала об этом в пятницу утром. Она стояла у стола, на котором были разложены яблоки для следующего занятия. Лида говорила быстро, сбивчиво, всё повторяла, что Виктор был таким хорошим человеком. Ева смотрела на яблоки и почему-то вспоминала, как он держал чашку двумя руками.

После разговора она осталась одна.

Три часа назад её волновало, какие пироги приготовить к праздникам. Теперь ей хотелось вернуть одну произнесённую фразу, один звонок, одно решение — и она понимала, что ничего не вернёт.

Андрей приехал сразу. Он увидел Еву за тем же столом, где они когда-то впервые разговаривали о Нике.

— Что случилось?

— Виктор умер.

Андрей сел напротив.

Она рассказывала ему медленно и сухо: про поездку, про дочь, про свой звонок, про отменённый Новый год. Он не перебивал.

— Ты думаешь, он умер из-за меня? — спросила Ева.

Андрей долго молчал.

— Не знаю. И ты не знаешь. Но ему было одиноко, и ты сделала так, чтобы он остался рядом с тобой, когда мог быть с дочерью.

— Я не хотела, чтобы он умер.

— Верю.

— Я хотела, чтобы он нуждался во мне.

Андрей взял её за руку. Она попыталась высвободиться, но потом оставила ладонь у него в пальцах.

— Скажи, что ты меня не ненавидишь, — прошептала она.

Он смотрел на женщину, которую любил, и не мог дать ей ответ, которого она ждала.

— Я здесь, — сказал он.

Ева заплакала.

И Андрей с ужасом заметил, что в груди на мгновение появилось старое, знакомое тепло. Он заставил себя не улыбнуться. Сидел рядом, пока она плакала, и ненавидел в себе то, чего не сумел окончательно уничтожить.

ГЛАВА 6. НИКАКОГО ПРОЩЕНИЯ

На похороны Виктора Ева не пошла. Она сказала Лиде, что не сможет смотреть в глаза дочери. Лида не пыталась её переубедить. Теперь многие разговоры между ними заканчивались на полуслове.

Андрей тоже не пошёл. Он не знал Виктора достаточно хорошо, чтобы скорбеть, и слишком хорошо понимал собственную роль, чтобы изображать случайного знакомого.

После смерти Виктора они почти перестали говорить о своей прежней жизни.

Ева стала поздно приходить домой, работала без выходных, раздражалась от любого вопроса. Андрей всё чаще оставался в своей квартире, которая за месяцы приобрела запах пустых комнат. Ему казалось, что они оба ждут от другого какого-то признания, но ни один не знает, как его произнести.

Однажды ночью он вернулся к Еве и обнаружил её сидящей на полу перед открытым шкафом.

— Что ты делаешь?

— Ищу одеяло.

— Зачем?

— Не знаю. Мне холодно.

Он достал одеяло, укрыл её и сел рядом.

— Ты больше меня не любишь? — спросила она.

Андрей закрыл глаза.

— Люблю.

— Тогда почему ты со мной как с больной?

— Потому что боюсь, что ты снова кому-нибудь навредишь.

Ева подняла голову. Долго смотрела на него, потом неожиданно рассмеялась — негромко, устало.

— Ты нашёл женщину, которая делает то же самое, что и ты. А теперь удивляешься.

— Да.

— Хотел игрушку?

— Нет.

— Хотел, чтобы кто-то всегда тебя понимал?

— Да.

Она наклонилась к нему.

— Вот я понимаю. И всё равно ненавижу тебя за то, что ты пытаешься стать лучше меня.

Андрей не ответил. Он мог бы сказать ей, что никакое позднее раскаяние не вернёт Виктора и не исправит того, что они уже сделали. Но она и так это знала.

Ночью они долго лежали рядом, держась за руки. Между ними оставалась любовь — настоящая, мучительная, уже не способная сделать их добрее.

Утром Ева сварила кофе и впервые за несколько недель предложила завтракать вместе.

— Нам надо что-то менять, — сказала она.

— Что именно?

— Не знаю. Работу. Квартиру. Себя. Может, всё сразу.

— Сначала попробуй не делать того, о чём потом пожалеешь.

Ева тихо рассмеялась.

— Ты говоришь, как Павел.

— Он не всегда был неправ.

Она перестала смеяться. Между ними опять возникло молчание, слишком привычное, чтобы называть его ссорой. Андрей понял, что теперь его любовь проверяется не тем, на что он способен ради Евы, а тем, в чём сумеет ей отказать.

И испугался, что уже знает ответ.

После январских праздников они перебрались к Андрею. Ева сама предложила: в её квартире всё ещё звонили в дверь люди, привыкшие получать помощь без предупреждения. Ника когда-то спала на этом диване, Павел чинил этот шкаф; Еве хотелось хотя бы на время просыпаться в другом месте. Андрей привёз кресло обратно, она — посуду и несколько платьев. Старую квартиру не сдавали. Ева говорила, что ещё не разобрала вещи, и они оба делали вид, что только поэтому.

* * *

В конце января Лида рассказала, что Павел теперь живёт с женщиной по имени Саша. Ева узнала об этом между двумя занятиями, когда руки у неё были в муке, а Лида распаковывала коробки.

— Видела их в воскресенье, — сказала подруга. — Он прямо помолодел. Саша с деревом работает, как и он. Что-то своё делает, для выставок. Я не очень разобралась, но они мне фотографии показывали.

Ева продолжала месить тесто. Ей показалось, что слово «помолодел» ударило по пальцам.

— Ты знакома с ней?

— Немного. Павел представил.

— Быстро у него всё получилось.

Лида подняла голову.

— Ева, вы давно расстались.

— Я знаю.

— Ты ведь счастлива с Андреем.

— Да.

— Тогда почему тебя это задело?

Ева швырнула тесто на стол. Крошечные капли муки полетели на фартук Лиды.

— А можно мне просто не хотеть обсуждать своего бывшего мужа?

Лида замолчала. Она не стала мириться первой.

Вечером Ева рассказала Андрею только о том, что у Павла появилась женщина.

— Хорошо, — сказал он.

— Ты так думаешь?

— Да. Он заслуживает спокойной жизни.

— А я, значит, не заслуживаю?

Андрей отложил книгу.

— Ева, при чём здесь ты?

Она не ответила.

Они легли спать порознь: он на диване, она в спальне. Андрей долго лежал с открытыми глазами и слушал, как за стеной ходит вода по трубам. Ему было знакомо это чувство — когда чужое счастье оказывается не просто невыносимым, а оскорбительным. Он годами превращал его в поступки. Теперь в соседней комнате лежал человек, которого он любил, и, кажется, собирался сделать то же самое.

Утром он сказал:

— Павла оставь в покое.

— Я ничего ему не делаю.

— Пока.

Ева посмотрела на него так, будто он назвал её чужим именем.

— Я не твоя ученица, — произнесла она. — И ты не имеешь права мне приказывать.

— Не имею. Но я имею право не помогать.

Она взяла ключи и ушла, не допив кофе.

* * *

Саша оказалась вовсе не такой, какой Ева представляла её по рассказам Лиды. Невысокая, с короткими тёмными волосами и аккуратными сильными руками. Ей было тридцать пять. Она работала с деревом, делала небольшие панно и предметы для выставок. С Павлом познакомилась у поставщика: они поспорили из-за последней подходящей доски и в конце концов забрали её вместе.

Ева встретила с ней будто случайно, возле маленького магазина неподалёку от мастерской Павла.

— Вы Саша? Я Ева. Бывшая жена Павла.

Саша остановилась.

— Здравствуйте.

— Хотела сказать: не воспринимайте как вмешательство. Просто Павел иногда бывает очень замкнутым. Он умеет делать вид, что всё в порядке, а потом внезапно уходит. Я думала, вы должны знать.

Саша смотрела на неё спокойно.

— Спасибо. Мы с Павлом разговариваем друг с другом.

— Конечно. Я тоже так думала.

— Ева, — мягко сказала Саша, — я понимаю, что вам может быть неприятно. Но я не собираюсь выяснять отношения с человеком через его бывшую жену.

Она попрощалась и ушла.

Ева стояла возле магазина и ощущала унижение, которого не испытывала много лет. Её не боялись. Ей не сочувствовали. Её даже не пытались разоблачить. Ей просто не дали войти в чужую жизнь.

В тот вечер она вернулась домой поздно и не рассказала Андрею, где была.

Он не спросил.

* * *

Павел позвонил Андрею через два дня.

— Нам нужно поговорить, — сказал он. — Не о Еве. Вернее, о Еве, но без неё.

Они встретились в кафе возле вокзала. Павел пришёл с мокрыми волосами, пахнул древесной пылью и холодом. Андрей раньше редко видел его без Евы. Теперь с удивлением обнаружил, что этот мужчина имеет собственное лицо, которое ни на секунду не нуждается в зрителях.

— Ева встречалась с Сашей, — сказал Павел.

— Теперь знаю.

— Ты собираешься делать вид, что это нормально?

— Нет.

Павел кивнул.

— Хорошо.

Они долго молчали, пили кофе, который обоим не нравился.

— Я думал, что Ева изменится, — произнёс Павел. — В самом начале, когда мы познакомились, мне казалось: просто ей нужно понять, что любовь не надо заслуживать. Она всё время выручала кого-то. Даже меня. Когда у меня умер отец, она три недели не оставляла меня ни на минуту. Готовила, звонила, принимала гостей. Я был ей благодарен. А потом мне стало легче, и она будто обиделась.

Андрей смотрел в чашку.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что вижу, как ты на неё смотришь. И потому что не хочу однажды услышать, что она опять осталась одна и кто-нибудь не выдержал рядом с ней.

— Не беспокойся. Я не такой добрый человек, как ты.

Павел вдруг улыбнулся.

— Это не соревнование.

Он поднялся, оставил деньги за кофе.

— Мне не нужно, чтобы вы были несчастны, — сказал он. — Правда. Только и вы оставьте нас в покое.

Андрей проводил его взглядом. Потом достал телефон и набрал Еве: «Где ты?»

«В мастерской. А что?»

Он хотел написать: «Ты не тронешь Павла». Хотел потребовать обещания. Вместо этого выключил экран.

С некоторыми людьми невозможно договориться, пока они считают обещание чужим способом получить над ними власть.

* * *

Дома Ева встретила его поцелуем. Потом спросила:

— Ты сегодня был с Павлом?

Андрей замер.

— Да.

— Что он хотел?

— Чтобы мы оставили их в покое.

— Их?

— Его и Сашу.

Ева кивнула. Отошла к плите, выключила огонь под кастрюлей.

— И ты пообещал?

— Я ничего не обещал за тебя.

Она повернулась.

— Правильно.

В эту секунду Андрей понял, что женщине, с которой он хотел прожить остаток жизни, достаточно одного слова, чтобы превратить его любовь в состязание. И что он уже слишком далеко зашёл, чтобы притвориться, будто этого не замечает.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Ева неожиданно заплакала. Он подошёл, но она отступила.

— Не говори так после разговора с Павлом. Как будто ты мне делаешь одолжение.

— Я говорю, потому что это правда.

— Тогда докажи.

— Как?

Она посмотрела на него. Андрей знал этот взгляд. В нём всегда появлялось требование, которое другой человек должен был угадать сам.

— Не становись чужим, — произнесла Ева.

И ушла в спальню.

* * *

В начале февраля в мастерскую пришла дочь Виктора.

Её звали Алиса. Ей было тридцать три, у неё были коротко подстриженные волосы и красные от ветра руки. Она не поздоровалась с Евой, только спросила, можно ли поговорить без посторонних.

Ева сразу поняла, зачем та пришла.

Они сели за стол, на котором когда-то Виктор раскладывал листочки со своими рецептами. Алиса долго смотрела на пустую столешницу.

— Он говорил о вас, — сказала она. — Много. В последний месяц почти каждый разговор начинал с того, что вы такой замечательный человек.

Ева почувствовала, как пересохло во рту.

— Мне очень жаль, — произнесла она.

— Я верю. Я тоже думала, что вы ему помогли. Пока не поняла, что папа ждал моего приглашения, а я из-за вашего звонка боялась его позвать.

Ева опустила взгляд.

— Я боялась, что ему будет тяжело.

— Он взрослый человек. Он сам хотел приехать.

— Я понимаю.

— Нет, — сказала Алиса. — Вы не понимаете. Вы говорили с ним так, будто знаете лучше всех, что ему нужно. Со мной — так же. А он всю последнюю неделю думал, что я передумала его ждать.

Ева попыталась сказать, что Виктор мог бы снова позвонить дочери, объяснить, договориться. Но каждое возможное оправдание звучало всё ужаснее, ещё не произнесённое.

— Вы хотели, чтобы он остался здесь? — спросила Алиса.

Ева молчала.

— С вами?

— Да, — наконец ответила она.

Это было самое короткое признание в её жизни.

Алиса поднялась. Она не закричала, не ударила Еву, не попросила у неё ничего. Только произнесла:

— Он мог провести свои последние дни с нами. А вы сделали так, чтобы он решил, что ему здесь нужнее.

— Я не знала, что он умрёт.

— Я тоже. Поэтому и хотела, чтобы он приехал.

Алиса ушла, не оглянувшись.

Ева осталась одна. В другом конце комнаты шумел холодильник. За дверью смеялись дети, пришедшие с матерью на дневное занятие. Это был самый обычный день, который больше никогда не станет обычным.

Когда Андрей пришёл, Ева не плакала.

— Она права, — сказала она.

— В чём?

— Во всём.

Андрей присел рядом.

— И что ты будешь делать?

Ева медленно повернулась к нему.

— Я хочу понять, когда стала такой.

— Это не оправдание.

— Я и не прошу оправдания.

Она помолчала, потом спросила:

— А ты когда стал?

Андрей увидел перед собой маленькую зелёную клетку с пустой жердочкой. Не воспоминание даже — предмет, который всю жизнь таскал с собой, хотя давно мог выбросить.

— Не знаю, — ответил он.

— Врёшь.

— Может быть.

Ева накрыла ладонью его руку.

— Ты ведь можешь хотя бы со мной не притворяться?

Он хотел сказать, что да, может. Но вместо этого лишь крепче сжал её пальцы. Ева поняла ответ и больше не спрашивала.

* * *

Лида попросила Еву прийти в пекарню до открытия. Никаких объяснений не дала. Ева сразу поняла, что разговор будет неприятным, и по дороге придумала по меньшей мере десять способов убедить подругу, что та ошибается.

В пекарне ещё не горел свет над витриной. Лида сидела за маленьким столом, на котором они когда-то считали деньги, собираясь закрыть дело. Перед ней стояли две чашки, но кофе она не налила.

— Я хочу, чтобы ты временно перестала вести занятия, — сказала Лида.

Ева ожидала чего угодно, кроме этого.

— Почему?

— Потому что после Виктора люди начали уходить. Не все. Некоторые остаются. Но они спрашивают меня, почему ты говорила его дочери одно, а ему другое.

— Я ничего не скрываю.

— Тогда почему ты ни разу не поговорила с Алисой при мне?

Ева посмотрела на подругу. На лице Лиды не было ни ненависти, ни торжества. Это оказалось почти оскорбительно. Если бы она кричала, Ева смогла бы ответить криком. Если бы обвиняла, Ева нашла бы правильные слова. Но Лида просто устала.

— Я помогала тебе год, когда остальные отвернулись, — сказала Ева.

— Знаю.

— Я приходила после работы. Ночами.

— Знаю.

— И теперь ты меня выгоняешь?

Лида сняла очки и положила их рядом с чашкой.

— Вот за это я и боюсь с тобой разговаривать. За что бы человек ни благодарил тебя вчера, сегодня он уже не имеет права сказать, что ты делаешь ему больно.

Ева почувствовала, как к горлу подступают слёзы. Она их проглотила.

— Мастерская была моей идеей.

— И ты сделала здесь очень много хорошего. Но это не даёт тебе права решать за всех остальных, когда они должны быть тебе благодарны.

Лида налила кофе, хотя пить его уже никто не собирался.

— Мы продолжим занятия. Я попрошу двух других преподавателей. Ты можешь приходить как гость, когда захочешь. Только не пытайся вернуть всё назад одним красивым поступком.

Ева смотрела на неё долго. Затем поднялась, надела пальто и пошла к двери.

— Ты ещё вернёшься, — сказала она, не оборачиваясь. — Когда что-нибудь случится.

Лида не ответила.

* * *

Домой Ева вернулась в полдень. Андрей сидел за компьютером и составлял расписание весенних праздников. Он поднял голову, увидел её лицо и сразу закрыл ноутбук.

— Что произошло?

— Меня выгнали.

Он выслушал всё. Не перебивал, не оправдывал Лиду, но и не стал говорить, что та поступила чудовищно. Это Еву окончательно взбесило.

— Ты хоть раз можешь быть на моей стороне, не объясняя, почему другие имеют право меня ненавидеть?

— Я на твоей стороне.

— Нет. Ты стоишь где-то посередине, чтобы выглядеть лучше всех.

Андрей встал. Несколько секунд они молчали, глядя друг на друга. Ева заметила, что он не пытается подобрать удобные слова.

— Я мог бы поехать к Лиде и добиться, чтобы она тебя пожалела, — сказал он. — Мог бы устроить так, чтобы она почувствовала себя виноватой. Мы оба знаем, что я умею.

Ева молчала.

— Ты этого хочешь?

Она медленно выдохнула.

— Хочу, чтобы она заплакала.

Он не отвёл взгляда.

— Понимаю.

— И ты ничего не сделаешь?

— Нет.

Ева кивнула. Раньше после отказа он начинал объяснять, что всё равно остаётся с ней. Теперь не добавил ничего.

Она ушла в спальню. Через минуту вернулась, взяла со стола свой телефон, снова ушла. Андрей услышал, как в другой комнате открывается шкаф.

Он не пошёл следом.

Ночью Ева всё-таки легла рядом с ним. Долго лежала без движения, потом обняла со спины. Андрей проснулся от прикосновения и на мгновение обрадовался так сильно, будто ничего плохого между ними никогда не было.

— Ты не уйдёшь? — спросила она.

— Не хочу уходить.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Она прижалась крепче. Он положил ладонь поверх её руки. Они лежали так, пока за окном не начало светлеть.

Андрей задумался, что их будущая жизнь может оказаться похожей не на преступление, а на долгую комнату без выхода. В этой комнате они будут мучить друг друга не из ненависти, а потому, что для обоих любовь давно перестала существовать отдельно от страха быть оставленным.

А Ева, не открывая глаз, думала о Лиде.

Она уже знала, как причинить ей боль.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СВОЯ БОЛЬ

ГЛАВА 7. ТЁПЛЫЙ ДВОР

Утром Ева проснулась раньше Андрея и долго смотрела, как он спит.

У него было спокойное лицо человека, который ничего не боится. Во сне Андрей слегка поджимал нижнюю губу, и от этого становился моложе. Ева представила, что можно прожить рядом с ним ещё двадцать лет: выбирать вместе полотенца, ссориться из-за открытой форточки, встречать его после работы. Ей стало так тоскливо, что захотелось разбудить его и начать скандал. Только для того, чтобы снова почувствовать, как сильно он в ней нуждается.

Она не разбудила.

На кухне лежал список продуктов, написанный его почерком. Вчера Андрей сказал, что хочет испечь ей яблочный пирог. Раньше такие его жесты казались Еве чудом. Теперь в них чудилось снисхождение.

Она сложила список вчетверо, сунула в карман пальто и вышла из квартиры.

Пекарня Лиды открывалась в девять. Ева пришла в половине восьмого, когда в витрине ещё не горел свет. За стеклом двое новых преподавателей переставляли столы. Один из них, девушка с короткой стрижкой, подняла руку в знак приветствия. Ева улыбнулась ей так, как улыбалась людям, которым собиралась помочь.

— Лида уже здесь? — спросила она через приоткрытую дверь.

— Нет. Нам сказали начинать без неё. Мы сегодня готовим открытое занятие.

— Какое замечательное решение. Давно пора дать вам самостоятельность.

Девушку звали Алёна. Ева помнила её по нескольким совместным вечерам. Хорошая ученица, аккуратная, с тревожной привычкой начинать каждую просьбу словом «извините». Раньше Ева сама учила её перестать извиняться за собственное существование.

— Если захотите, я могу помочь расставить посуду, — сказала она. — Не как преподаватель. Просто руки свободны.

Алёна нерешительно оглянулась на коллегу.

— Лида просила, чтобы вы пока не вели занятия.

— И правильно. А я разве собираюсь?

Это было сказано без малейшей обиды. Ева действительно не собиралась становиться за стол и рассказывать людям, сколько минут нужно вымешивать тесто. Ей хотелось другого.

Она помогала незаметно: находила чистые скатерти, угадывала, кому не хватает доски, исправляла положение стола, чтобы у стены могли пройти люди с сумками. Алёна раз за разом благодарила её. К девяти Ева успела сделать себя полезной всем, кроме Лиды, которая пришла последней и застыла на пороге.

— Я думала, мы договорились, — сказала Лида.

— Мы договорились, что я не веду занятия. Я и не веду.

— Ева.

— Я сейчас уйду. Не нужно на меня так смотреть.

Но она не ушла. Когда подошли первые гости, одна из постоянных учениц, Света, обрадовалась Еве и попросила её остаться хотя бы на кофе. Ева взглянула на Лиду — словно разрешение зависело только от подруги. Лида устало кивнула.

Час спустя Ева оказалась в центре разговора. Никто не заметил, как это произошло. Она не рассказывала о себе и не перехватывала инициативу. Просто задавала вопросы, на которые людям давно хотелось ответить.

Света пожаловалась, что после смены преподавателя занятия стали слишком похожи на уроки. Алёна начала объяснять, что у нового курса другая программа.

— Не оправдывайся, — ласково сказала Ева. — Света ведь не ругается. Она говорит, что ей здесь стало иначе. Разве плохо, когда человек замечает перемены?

Алёна замолчала.

Потом кто-то спросил, почему Виктор перестал приходить. Лида в другой части зала как раз вынимала противни. Ева медленно поставила чашку.

— Он умер, — сказала она. — И знаете, я теперь часто думаю, что мы мало слушали друг друга. Особенно в последние месяцы.

Она не назвала ничьего имени. Не солгала ни словом. И всё же за столом возникло странное чувство: будто настоящее тепло мастерской осталось в прошлом, а те, кто пришёл ему на смену, его предали.

Алёна пыталась продолжить занятие. К концу второго часа у неё дрожали руки. В какой-то момент она перепутала соль и сахар, засмеялась от смущения, а Света сказала:

— Вот Ева бы так не ошиблась.

И тогда Лида попросила Еву выйти на улицу.

Они стояли между пекарней и закрытой цветочной лавкой. Из вытяжки на стене выходил тёплый воздух, пахнувший дрожжами. По тротуару текла грязная февральская вода.

— Ты пришла это сделать? — спросила Лида.

— Что именно?

— Заставить её почувствовать себя никчёмной.

— Девочке нужно научиться держать аудиторию. Она взрослый человек.

— Она взрослая, да. Поэтому я и дала ей работу. А ты целое утро показывала всем, что она хуже тебя.

— Я ничего такого не говорила.

— Тебе и не нужно говорить.

Ева спрятала руки в карманы. Нащупала сложенный список продуктов. От его присутствия ей стало почему-то стыдно.

— Ты хочешь, чтобы я извинилась перед Алёной?

— Я хочу, чтобы ты перестала сюда приходить.

— Совсем?

— Да.

Ева посмотрела на окна, за которыми они когда-то вместе красили старые рамы, покупали первые чашки, спорили из-за цены на муку. Когда у Лиды не было денег платить за аренду, Ева носила ей продукты и уверяла, что всё наладится. Всё это происходило на самом деле. Ей стало невыносимо, что теперь Лида произносит «не приходи» так спокойно, будто отменяет занятие.

— Я тебе жизнь спасла, — сказала она.

— Знаю.

— И ты даже не попытаешься объяснить, почему я тебе вдруг не нужна?

Лида подняла воротник пальто.

— Ты мне нужна была как подруга. Ты решила, что имеешь право быть всем остальным.

Ева почувствовала слёзы, но не позволила им появиться.

— Надеюсь, когда у тебя всё рухнет, ты будешь довольна своей самостоятельностью.

— Возможно, рухнет, — ответила Лида. — Но это будет моя жизнь.

Она вернулась в пекарню.

Ева осталась возле вытяжки. Она ожидала, что услышит, как внутри кто-нибудь зовёт её обратно. Прошло пять минут, потом десять. Никто не вышел.

Она достала телефон. Позвонила Андрею.

— Ты дома?

— Да. Что случилось?

— Ничего. Приготовь свой дурацкий пирог.

— Ева, где ты?

— Я приеду. Только не начинай меня воспитывать.

Она отключилась прежде, чем он успел ответить.

* * *

Пирог оказался слишком сладким. Ева съела два куска, хотя терпеть не могла приторное, и ждала, когда Андрей спросит о Лиде. Он не спрашивал. В десять вечера она не выдержала.

— Ты знаешь, что она меня больше не пускает?

— Догадывался.

— И молчишь?

— Ты попросила не воспитывать тебя.

— Всегда найдёшь удобную фразу.

Андрей положил вилку. Он был усталый. Сегодня ему звонили три пары, выбирающие даты летних свадеб. Ева видела, как он разговаривает с ними, не меняя выражения лица. Он искренне любил организовывать праздники; прежде она считала это самым привлекательным в нём. Теперь ей казалось, что он раздаёт незнакомцам то внимание, которого ей самой перестаёт хватать.

— Я утром стояла у пекарни, как чужая, — сказала она. — Там всё моё. Даже сколы на чашках я помню. А она велела мне уйти.

— Ты сделала больно Алёне?

— Не специально.

Он посмотрел на неё.

— Хорошо. Специально, — произнесла Ева. — Доволен?

— Нет.

— А мне стало хорошо, когда она растерялась. Сначала хорошо. Потом отвратительно. Но первые несколько минут мне было хорошо. Что ты теперь со мной сделаешь?

Андрей долго молчал. От прямоты её признания привычное тепло, которое он так старательно в себе подавлял, всё-таки вернулось. Ему хотелось подойти и обнять её. Он боялся, что она почувствует: ему нравится момент, когда у неё нет сил защищаться.

— Ничего, — сказал он.

— Ничего?

— Я не могу прожить за тебя твою жизнь.

Ева резко встала. Подошла к раковине, включила воду. Не потому, что хотела мыть посуду. Ей нужен был шум, в котором не придётся слышать собственное дыхание.

— Знаешь, за что я тебя ненавижу? — спросила она. — Ты делаешь вид, что мы оба стали другими. А я помню тебя таким, каким ты был. Ты стоял возле чужого счастья, пока оно рушилось, и даже не скрывал, что тебе нравится. Со мной тебе теперь стыдно. Почему?

— Мне не стыдно за тебя.

— Тогда за что?

— За себя.

Она выключила кран.

Андрей подошёл к ней. Не прикасался, пока она сама не повернулась. Ева смотрела на него с яростью и с такой беззащитностью, что ему захотелось отменить всё: их ссоры, Виктора, Лиду, собственное запоздалое стремление стать нормальным.

— Ты ведь не уйдёшь, если я снова сделаю кому-то больно? — спросила она.

— Не знаю.

— Скажи, что не уйдёшь.

Он не мог этого обещать.

Ева шагнула назад и рассмеялась — тихо, зло.

— Ясно. Значит, я должна стать хорошей, чтобы ты продолжал меня любить.

— Нет. Но я не обязан делать вид, что всё, что ты хочешь, правильно.

Она взяла с кресла сумку.

— Куда ты?

— К себе.

Это слово прозвучало особенно странно. Последние недели она называла его квартиру домом. Её прежнее жильё осталось после развода, большую часть времени стояло пустым. Андрей увидел, как она ищет ключи и никак не может найти.

— В правом кармане, — сказал он.

Она достала ключи. Посмотрела на него.

— Даже это ты про меня знаешь.

Через минуту дверь закрылась.

* * *

В квартире Евы пахло сухим воздухом и старым деревом. На подоконнике стояла пустая ваза. В ванной остался стакан с отбитым краем — Павел держал в нём свою щётку, а уходя, вынул её и оставил стакан на прежнем месте. Теперь даже эта пустота казалась Еве нарочно сохранный.

Она сняла пальто, но не включила свет.

В половине первого пришло сообщение от Андрея: «Ты поела?» Ева долго смотрела на короткий вопрос. Он не спрашивал, куда она ушла и когда вернётся. Предлагал самую простую заботу, с которой ей было нечего сделать.

Она написала: «Ты можешь прожить без меня?»

Ответ пришёл не сразу: «Могу. Но не хочу».

Это было хуже любого обещания.

Ева захотела, чтобы он немедленно приехал, сломал свою новую благопристойность, сказал что-нибудь жестокое. Пусть даже обидел бы её — лишь бы перестал держаться так, будто способен выбирать.

Вместо этого она выключила телефон и легла на диван, где когда-то спала Ника. Матрас всё ещё чуть проседал посередине.

Она подумала о Лиде. О том, как та, возможно, сейчас спокойно спит. Об Алёне, которая завтра снова выйдет к столу и, скорее всего, справится. Об Алисе, которая не простит ей Виктора. О Павле, который научился любить другую женщину.

Еву окружали люди, способные жить дальше.

И только она сама не представляла, чем занять следующий день, если никому не понадобится её помощь.

* * *

Андрей не спал.

Он сидел на кухне перед остатками пирога. В три часа ночи достал из рабочего блокнота карточку будущего заказчика. Ничего секретного: телефон, дата, название ресторана. Такие карточки он держал по привычке, хотя давно мог обходиться без них.

Заказ был необычный. В начале марта закрывался старый ресторан «Тёплый двор». Его хозяйка Тамара Сергеевна собиралась передать дело ученице и устроить прощальный ужин для сотрудников и старых гостей. Тамара говорила по телефону так радостно, будто праздновала не конец собственной жизни в ресторанном деле, а её счастливое продолжение.

Андрей видел фотографию зала. Длинный стол, зелёные стены, лампы, под которыми лица людей казались особенно добрыми. Там было всё, что когда-то привлекало его в чужом счастье: годы совместной работы, доверие, благодарность, боязнь расставания.

Он подвинул к себе карточку.

Если Ева не могла перестать причинять боль, он мог хотя бы выбирать, кому она её причинит.

Эта мысль была такой подлой, что Андрей сразу узнал в ней себя прежнего. Он попытался отодвинуть карточку, но не смог.

Утром он позвонил Еве.

— Приезжай, — сказал он. — Мне нужна твоя помощь с одним праздником.

— Ты сам говорил, что я не должна никого спасать.

— Это не спасение.

— А что?

Он посмотрел на пустую тарелку напротив.

— Думаю, тебе понравится.

* * *

Ева вернулась к Андрею в воскресенье, но не стала спрашивать, зачем он её позвал. Сначала молча сняла сапоги, прошла в ванную и вымыла руки. Потом открыла холодильник, нашла миску с отварной картошкой и начала есть прямо над раковиной.

Андрей наблюдал за ней из дверного проёма.

— Ты похудела, — сказал он.

— За одну ночь?

— За последний месяц.

— Приятно, что ты заметил.

Он хотел сказать, что заметил гораздо больше: как она перестала напевать во время готовки, как по ночам встаёт попить воды и возвращается с сухим стаканом, как иногда долго

смотрит на его руки, будто пытаясь понять, кому они принадлежат. Но решил промолчать. Ева слишком хорошо умела превращать чужую заботу в повод для взаимных обвинений.

— Что за праздник? — спросила она, доев картошку.

— Закрытие ресторана. Очень хорошего, старого. Хозяйка уходит на пенсию, заведение переходит её ученице.

— И что в этом интересного?

— Они считают себя семьёй.

Ева медленно подняла голову.

— Сколько человек?

— Постоянных сотрудников двенадцать. Гостей около сорока. Приедут люди, которые ходили туда двадцать лет назад.

— А ты уже был там?

— Нет. Сегодня едем знакомиться.

Ева некоторое время смотрела на него, не улыбаясь. Потом спросила:

— Ты ведь обещал себе больше не делать этого.

— Я не обещал ничего.

— Себе обещал. Я видела.

Он не стал отрицать.

— Тогда почему?

Андрей хотел ответить: «Потому что не могу тебя потерять». Слова были правдивыми и одновременно отвратительными. Проще было признаться, что ему скучно. Или что он сам соскучился по прежнему удовольствию.

— Потому что ты всё равно найдёшь, кому причинить боль, — произнёс он. — А там мне хотя бы известно, что происходит.

Ева засмеялась так искренне, что он испугался.

— Ты предлагаешь мне людей на выбор, чтобы я не трогала твоих любимцев?

— Я предлагаю тебе работу.

— Конечно. Работу.

Она подошла вплотную, положила ладони ему на грудь. Почувствовала, как быстро бьётся сердце.

— Ты даже не понимаешь, почему мне нравится с тобой, — сказала она. — Не потому, что ты всё умеешь. Потому что иногда говоришь правду случайно.

Он хотел отступить, но не смог. Она поцеловала его — быстро, почти без нежности, как ставят метку на вещи, которую боятся потерять.

* * *

«Тёплый двор» стоял на первом этаже старого кирпичного дома. Над дверью висел светильник, который давно следовало заменить; внутри пахло жареным луком, мокрыми пальто и тёплым хлебом. По стенам шли полки с книгами, оставленными посетителями. На одной стороне зала были отдельные столики, на другой — общий, длинный, со скамьями.

Тамара Сергеевна встретила их в фартуке, хотя ресторан в этот час ещё не открывался.

— Только не делайте мне банкет как в гостинице, — сказала она вместо приветствия. — Я хочу, чтобы люди сидели так, как привыкли. Кто с кем сорок лет ругался, тот пусть с тем и сидит.

Ей было шестьдесят три. Короткие седые волосы, быстрые движения, руки с широкими ладонями. На шее висела цепочка, за которую она всё время цеплялась пальцем, когда задумывалась. Она обращалась к гостям и сотрудникам одинаково — по имени, без напускной фамильярности. Еве такие люди всегда нравились и раздражали её одновременно: возле них трудно стать незаменимой.

— А вы действительно закрываетесь? — спросила Ева.

— Я закрываюсь, — уточнила Тамара. — Ресторан продолжит Ася. Другая вывеска, другая кухня. Вроде всё другое. Но ребята останутся, если сами захотят. Правильно я говорю?

Из кухни вышла женщина в сером свитере. Она несла тяжёлую кастрюлю, придерживая крышку локтем.

— Если сами захотят, — повторила она, поставив кастрюлю. — Только пока никто не спросил, как именно всё будет устроено.

Тамара махнула рукой:

— Ты вечно хочешь всё заранее. Мы же ещё даже не проводили старое место.

— Потому что иначе у нас потом окажутся люди без смен и без зарплаты.

— Ася, у нас гости.

— Я вижу. Здравствуйте.

Ася была заметно моложе хозяйки. Сухощавая, с усталым лицом, будто только что закончила тяжёлую смену. Она не выглядела человеком, которого осчастливили подарком. Андрей запомнил это выражение. Он знал, как часто благодарность и страх живут в одном лице.

Тамара обняла Асю за плечи.

— Я её двадцать лет назад взяла мыть посуду. А теперь вот посмотрите: кухню держит лучше меня. И гостей помнит по голосу. Мне не стыдно ей всё оставить.

Ася улыбнулась, но не обняла её в ответ.

Пока Андрей осматривал зал, Ева осталась с Асей у кухни. Разговор начался с хлеба. Ася показала, как они делают тонкие лепёшки с тмином, пожаловалась на дорогую муку, спросила про мастерскую. Ева ответила, что больше там не работает.

— Почему?

— Люди иногда решают, что выросли из твоей помощи.

Ася понимающе кивнула.

— У нас похожая история. Только я, кажется, выросла из помощи, которую никак не могу закончить принимать.

— Вы про Тамару Сергеевну?

— Она прекрасный человек. Только для неё я до сих пор девочка из подсобки. Когда я говорю, что хочу убрать из меню половину блюд, она вспоминает, как мы делали их в девяносто девятом. Когда обсуждаю цены, говорит: «Мои люди такое не потянут». А потом называет меня будущей хозяйкой. Будущей, всегда будущей.

Ева не спешила отвечать. Она смотрела, как Ася вытирает руки о полотенце — коротко, сердито, будто стирает с кожи что-то невидимое.

— Вы хотите уйти? — спросила Ева.

— Я хочу остаться. Но не в её тени.

— Тогда вам придётся однажды произнести это вслух.

— Произносила. Не один раз.

— Значит, вас не услышали.

Ася усмехнулась.

— Меня услышат, когда я начну говорить о деньгах и людях. Только тогда я окажусь неблагодарной.

Ева почувствовала знакомый приятный толчок под рёбрами. Не потому, что Ася страдала. Потому что она уже видела точку, в которой можно заставить двух любящих друг друга людей сделать выбор между любовью и собственным достоинством.

Когда Андрей вернулся из зала, Ева попросила показать ей список блюд. Ася принесла исписанное мелким почерком меню, но Ева почти не смотрела на него. Она попросила хозяйку рассказать, кто из гостей обязательно должен произнести тост.

— Да все! — оживилась Тамара. — Ася, конечно. Дима, он у меня с самой армии. И Катя, она десять лет управляющая. И девочки из старого состава. Не хочу делить никого на главных и второстепенных.

— Тогда можно придумать красивую вещь, — предложила Ева. — Пусть каждый скажет, что хочет унести из «Тёплого двора» в новую жизнь.

— Замечательно! — Тамара хлопнула в ладоши. — Вот это по-нашему.

Андрей посмотрел на Еву. Она ответила ему таким невинным взглядом, что он на секунду испытал прежнее восхищение её мастерством.

— Только не просите сотрудников заранее готовить речь, — добавил он. — Иначе всё станет скучным собранием.

Ася нахмурилась:

— Я бы всё же хотела заранее понимать, кто будет говорить.

— Тогда получится отчёт, — мягко сказал Андрей. — А Тамара Сергеевна хочет семейный вечер.

И Ася уступила. Не потому, что поверила ему, а потому, что устала быть единственной, кто всё время думает о последствиях.

* * *

По дороге домой они молчали. Андрей вёл машину медленно, пропуская пешеходов даже там, где никто не собирался переходить. Ева смотрела в окно на тающий снег и рекламные вывески.

— Ты увидел? — спросила она наконец.

— Что Ася не хочет принимать чужую жизнь в наследство?

— Что Тамара уже распорядилась её благодарностью. И считает это любовью.

— Может, это и есть любовь. Просто неудобная.

— Ты говоришь, как человек, который никогда не благодарил за то, чего не просил.

Андрей усмехнулся.

— Ты ведь не хочешь, чтобы они просто поссорились?

— Нет.

— Что ты хочешь?

Ева повернулась к нему:

— Чтобы они сказали друг другу правду. На глазах у людей, которым годами рассказывали, какие они близкие. А потом остались с этой правдой.

— Ты думаешь, они не переживут?

— Переживут. Они не умрут. Это даже лучше.

Андрей хотел возразить, что в таких историях никогда нельзя предсказать последнее последствие. У Виктора тоже никто не собирался отнимать жизнь. Но он не произнёс его имени. Сегодня рядом с ним снова сидела женщина, от которой трудно было отвести взгляд. Он чувствовал, как во рту становится сухо от предвкушения.

— Нам надо остановиться, — сказал он.

— Сейчас? Посреди дороги?

— С этой историей.

Ева молчала несколько секунд.

— Тогда зачем ты привёз меня?

Он не нашёл ответа.

Дома они сначала поссорились. Андрей сказал, что ей достаточно любого чужого несчастья; Ева ответила, что он боится самого себя и потому пытается сделать её виновной за двоих. Она ушла в комнату, вернулась, снова ушла. Потом вдруг остановилась посреди коридора.

— Мне не нужно, чтобы ты становился лучше, — сказала она. — Мне нужно знать, что ты выбираешь меня.

— Я выбираю тебя.

— Нет. Ты выбираешь то, каким хочешь выглядеть рядом со мной.

Андрей подошёл к ней. Сначала они долго стояли молча. Потом Ева взяла его лицо в ладони и поцеловала с такой яростью, будто хотела наказать за все минуты, когда он пытался её остановить. Он ответил. В этом поцелуе было больше злости, чем утешения, но никто не отступил.

Ночью они наконец смогли разговаривать спокойно.

— Если мы сделаем это, — сказал Андрей, — дальше будет сложнее остановиться.

— Мы уже не остановились, — ответила Ева.

Он услышал в её голосе не угрозу, а усталую уверенность. И понял, что она права: он сам снова привёл её к чужому счастью, как раньше приводил гостей к красиво освещённым столам.

— Тогда одно условие, — произнёс он.

— Какое?

— Мы не лезем в жизнь Павла. И Лиду оставляем в покое.

Ева смотрела в темноту.

— А Нику?

Он повернул голову.

— Что Нику?

— Ничего. Просто спросила.

Она придвинулась ближе, положила голову ему на плечо. Андрей не заметил, что она так и не ответила на его условие.

* * *

За неделю до прощального ужина Тамара Сергеевна позвонила Андрею, чтобы уточнить, хватит ли у них стульев.

— Хватит, — сказал он. — Я проверял.

— И Асе место рядом со мной оставьте. Она всё норовит бегать на кухню, будто не её праздник.

— Конечно.

Тамара помолчала, потом негромко добавила:

— Я за неё так радуюсь, Андрей. У неё ведь своих детей нет, мужа нет. Всё у неё здесь. Хорошо, что будет своё место, правда?

Андрей смотрел в окно. На стекле таял след от детской ладони, оставленный кем-то снаружи.

— Правда, — ответил он.

Вечером он пересказал этот разговор Еве.

Ева слушала внимательно. Потом спросила:

— Она сама понимает, как это прозвучало?

— Нет.

— А Ася услышит.

Андрей ничего не ответил.

Они уже знали, как пройдёт вечер, которого Тамара ждала несколько месяцев. По крайней мере, им так казалось.

ГЛАВА 8. ТОСТ, КОТОРЫЙ НЕ ПРОИЗНЕСЛИ

Вечер начинался так хорошо, что Андрей на короткое время пожалел о собственном замысле.

Тамара Сергеевна стояла у двери, обнимала каждого гостя и называла по имени. Люди приносили нелепые подарки: старую солонку, спасённую от выбрасывания при ремонте, фотографии, деревянную ложку с трещиной, детский рисунок, на котором «Тёплый двор» был изоб-

ражён как дом с огромной трубой. У одного мужчины за сорок лет не изменилось ничего, кроме волос, и Тамара узнала его по голосу раньше, чем он успел представиться.

На кухне Ася распоряжалась без крика. Она успевала проверять блюда, помогать Диме с тяжёлыми подносами, поправлять бумажный колпак на голове стажёра. Маленькая коробочка, которую Тамара принесла ещё за три часа до открытия, всё время мешалась на раздаточном столе.

— Это потом, — сказала тогда Ася, когда Тамара попыталась вручить ей подарок.

— Конечно, потом. Я просто боялась забыть.

— Ты за двадцать лет ничего не забывала.

Тамара довольно засмеялась. Подарок так и остался закрытым. Перед приходом гостей она забрала коробку и передала Андрею: попросила вынести к столу, когда все соберутся.

Ева наблюдала за этим с другого конца кухни. На мгновение ей стало досадно от того, что Ася так легко умеет улыбаться человеку, на которого жаловалась неделю назад. Стало ясно: для того, чтобы разрушить их близость, недостаточно одного неудачного разговора. Придётся заставить их выбрать, кем каждая хочет быть в глазах остальных.

— Не передумала? — спросил Андрей.

— А ты?

— Спросил первым.

Ева покачала головой.

— Ты всегда думаешь, что нашёл во мне какое-то устройство, которым можно управлять.

У меня нет кнопки «стоп».

— У всех есть.

— У тебя тоже была?

Он не ответил.

В зале начали рассаживаться гости. Андрей взял на себя всё видимое: освещение, музыку, смену блюд. Ева не выделялась среди помощников. Она знала, кому принести стул, кому предложить чай без сахара, кого посадить поближе к двери. Самое простое было остаться незаметной. Сложнее — не наслаждаться тем, насколько естественно это у неё получается.

Когда все заняли места, Тамара ударила ложкой по бокалу.

— Вы знаете, я не очень умею говорить красиво, — начала она, и зал дружно засмеялся. — Я умею кормить. С этим у меня выходит лучше.

Она рассказывала о первой зиме, когда в ресторане лопнула труба, а Дима грел тарелки на батарее. О том, как Катя однажды привела ребёнка на смену, и все гости считали его ещё одним официантом. О том, как Ася испортила первые двадцать порций супа, потому что решила, что соль измеряют на глаз. На этих словах Ася прикрыла лицо ладонью, хотя улыбалась.

— Я старею, — сказала Тамара в конце. — А вам пора научиться жить без меня. Поэтому я оставляю своё любимое дело Асе. Она мне как дочь. И теперь уж пусть попробует отказаться!

Зал захлопал. Ася тоже похлопала — вместе со всеми. Только Андрей заметил, как на последних словах её пальцы остановились.

После второго блюда наступила очередь гостевых тостов. Андрей предложил всем говорить без порядка. Дима рассказал о первом дне работы, когда не мог отличить укроп от петрушки. Катя вспомнила, как Тамара дала ей денег на дорогу к заболевшей матери и не попросила вернуть. Кто-то плакал от смеха; кто-то вытирал глаза всерьёз.

Ева подошла к Асе, которая стояла возле двери на кухню.

— Кажется, вас сейчас назовут, — сказала она.

— Не хочу выступать.

— Вы же знали, что придётся.

— Мне хотелось просто поработать, честное слово.

— Тогда и скажите об этом. Все ведь ждут вашего голоса.

— Вы не понимаете. После таких слов любое изменение выглядит предательством. А я хочу переделать половину того, чем Тамара гордится.

— А вы хотите?

Ася кивнула.

Ева чуть наклонилась к ней:

— Иногда люди не дают нам повзрослеть потому, что им приятно оставаться нашими спасителями. Даже если они нас очень любят.

Ася посмотрела на Тамару. Та смеялась над историей, которую рассказывал пожилой гость. Лицо было счастливое и усталое.

— Мне от этого не легче, — сказала Ася.

— Я знаю.

Ева вернулась к столу. Она действительно знала, что Асе не станет легче. В этом и заключалась её маленькая работа.

Через несколько минут Катя поднялась, чтобы поблагодарить Тамару за всё, что та сделала для сотрудников.

— И особенно за то, что не оставляет нас на улице, — добавила она. — Мы все пережили, но когда узнали, что продолжим работать с Асей, стало спокойно.

В зале раздались одобрительные возгласы.

Ася закрыла глаза.

Андрей видел её из-за пульта. Он мог включить музыку, завершить череду речей, перевести внимание на торт. Никто бы не заметил. Вместо этого он сделал свет над общим столом немного ярче и остался ждать.

Тамара подняла бокал:

— Да, мои хорошие, вы всегда будете вместе. Я за это и люблю нашу работу.

— Тамара Сергеевна, — негромко сказала Ася.

Та не услышала. Ася повторила громче:

— Подождите.

Андрей не дал музыке вступить.

Все повернулись.

Ася вышла к столу. Ей ещё не приходилось стоять перед этими людьми без рабочего фартука. В свободной блузке она казалась неуверенной, почти чужой в собственном зале.

— Я хочу сказать кое-что сейчас, потому что потом уже не получится, — произнесла она. — Когда мы откроемся заново, это будет другое место. Небольшое. Меню сократится. И людей на смене будет меньше.

Катя поставила бокал.

— Насколько меньше?

— Я ещё не решила окончательно.

— Но ты ведь оставишь старую команду?

Ася посмотрела на Тамару. Та всё ещё улыбалась, но улыбка стала неподвижной.

— Я не смогу обещать работу всем, — сказала Ася.

В зале сделалось тихо. Не так тихо, как после плохой шутки, когда люди ждут, что её объяснят. Здесь все вдруг поняли разные вещи одновременно. Дима подумал о своих пятидесяти восьми годах. Катя — о кредите за квартиру. Тамара — о собственных словах «всегда будете вместе».

— Ты могла поговорить об этом раньше, — сказала Тамара.

— Я пыталась.

— Сегодня не время.

— А когда время? Когда мы снимем вывеску и люди придут на работу, которой больше нет?

— Не надо делать из нас чужих. Я же тебе всё отдала.

Ева сидела на краю скамьи. Слова «всё отдала» прозвучали ровно так, как она ожидала. Но дальше произошло то, чего она не предвидела.

Ася не стала оправдываться. Она вдруг рассмеялась — коротко, безрадостно.

— Нет, — сказала она. — Ты ничего мне не отдала. Ты решила, как будет выглядеть моя жизнь, а потом назвала это подарком.

Тамара отшатнулась.

— Как ты можешь говорить такое здесь?

— А где мне говорить? На кухне, пока ты занята гостями?

— Я взяла тебя с улицы, когда тебе было семнадцать!

— Я помню. Ты напоминаешь об этом каждый раз, когда я делаю что-нибудь не так.

Один из гостей попросил их успокоиться. Другой пробормотал, что это семейное дело. Дима встал, отодвинув скамью, и ушёл в коридор. За ним потянулись ещё двое.

Тамара смотрела на Асю. В её глазах стояли слёзы, но она не плакала. Гораздо страшнее было то, что она впервые не нашла для этой женщины обычного ласкового слова.

— Я не хочу забирать у тебя твоё место, — сказала она тихо. — Я думала, ты рада.

Ася тоже опустила голос:

— Я рада. Только у меня нет права сказать, что я хочу чего-нибудь другого.

Ева почувствовала разочарование. В их словах было слишком много настоящей любви. Разговор ещё можно было спасти. Достаточно было, чтобы одна из них села, а другая подошла и взяла её за руку.

Она ждала, что Андрей сделает что-нибудь.

И Андрей сделал.

Он подошёл к Тамаре с маленькой коробкой, которую та отдала ему ещё до начала ужина, попросив вручить после тоста. В этой коробке лежал ключ от старой входной двери — тот самый, с которым Тамара открывала ресторан двадцать шесть лет.

— Вы просили передать это Асе, — сказал он. — Может быть, сейчас подходящий момент?

Он произнёс фразу с безупречной вежливостью. Так говорят о забытом зонте.

Тамара посмотрела на ключ. Потом на Асю.

— Нет, — ответила она. — Не сейчас.

Ася медленно выпрямилась.

— Конечно. Ты опять решила, когда будет подходящий момент.

Она ушла на кухню.

Тамара не пошла следом. Села на своё место возле пустого стула Аси и ещё долго держала бокал в руке.

Через десять минут один из гостей начал говорить о том, что все переволновались. Зазвучала музыка, принесли горячее. Люди стали разговаривать громче обычного, чтобы не слышать тяжёлого молчания у хозяйского конца стола. Праздник продолжился, но никто уже не хотел фотографироваться.

Позже Ева увидела, как Тамара попыталась положить руку на плечо Кате. Та не отстранилась, просто спросила:

— А нам правда нужно искать другую работу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.